

Я - СЫН СТРАНЫ СОВЕТОВ!

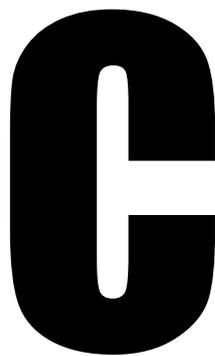
Вячеслав Дашичев, доктор исторических наук, профессор, Москва

РОССИЯ

В ОЖИДАНИИ

НОВЫХ РЕФОРМ

ЧТОБЫ ВЫВЕСТИ РОССИЮ ИЗ ТУПИКА НУЖНА НЕ КАПИТАЛИСТИЧЕСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА, А НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ, ОРИЕНТИРОВАННАЯ НА НОВЫЙ ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ СОЦИАЛИЗМ...

современное внутреннее и международное положение России все чаще заставляет задумываться: а в правильном ли направлении движется наша страна? Эти сомнения приобретают еще большую значимость перед лицом глубокого финансово-экономического кризиса в США и в других странах Запада, потрясшего мировую экономику и опрокинувшего многие социальные, экономические и моральные ценности капиталистического общества. Несчастья капитализма

обрушились с 1992 г., после развала Советского Союза, и на Россию. Ее движение вспять оказалось для страны ущербным во всех жизненных проявлениях.

Вот почему очень возросла актуальность научного обобщения опыта развития социализма и капитализма в России (Советском Союзе), выяснения причин провала социалистического строя в нашей стране и в Европе. Что полезного можно извлечь для российской политики и общественности из опыта социалистического развития? Ведь не случайно в России и в Западной Европе наблюдается повышенный интерес к идеям социализма. В Дрездене, например, даже восстановили памятники Карлу Марксу, разрушенный после объединения Германии. А в августе 2010 г. во Франции в г. Монпелье была установлена трехметровая статуя Ленину. Разве это не показательно?

Есть не мало приверженцев совершенно неверной точки зрения, будто возникший в России и других странах социалистический строй не подлежал никакому реформированию, и нечего было начинать реформы в ГДР, Чехословакии, Венгрии, Польше и даже перестройку в Советском Союзе. Социализм, мол, так или иначе был обречен на провал, представляя собой несбыточную утопию. Но, позвольте, ведь человечество развивается по восходящей линии, пройдя ряд социальных формаций – родоплеменную, рабовладельческую, феодальную, капиталистическую. Этого же никто не может отрицать. В XX веке возникла новая, социалистическая формация. Ее носителями стала Россия, Китай и другие страны Европы, Азии и Латинской Америки. В Советском Союзе после 70 лет существования она рухнула под тяжестью ошибок, извращений и предательства, имевших место во внутренней и внешней политике. Но это отнюдь не носило закономерного характера и было связано больше с субъективными и внешними факторами.

Капиталистическая система вступила с начала XX века в полосу глубокого и все углубляющегося общего кризиса. Капитализм с его погоней за наживой всеми правдами и неправдами, господством денег, с частнособственническими интересами оказался совершенно несовместимым с моралью, нравственностью и справедливостью, с истинной демократией – народовластием, с подлинными духовными ценностями, которые заменила примитивная рыночная идеология и манипуляция общественным мнением. Производным от нее выступает закон джунглей: *omnia contra omnes* – борьба всех против всех. Капитализму свойственна империалистическая экспансия. Он повинен в развязывании двух мировых войн и многочисленных локальных войн. И как формация он изжил себя, а на смену ему идет новый социальный строй. Сейчас еще не ясно, какое содержание и какие формы он примет. Но его торжество неизбежно.

Падение социалистического строя в Советском Союзе и в странах Восточной Европы отнюдь не означало исторического провала социализма. В связи с 20-летием объединения Германии в немецкой прессе проводились интересные сравнения капитализма и государственного социализма в двух германских государствах, их положительных и отрицательных черт, констатировалось, что, несмотря на прошедшие годы, все еще остается разделительная стена в головах многих восточных и западных немцев в духовном восприятии социально-политических реальностей. Влиятельная немецкая газета

«Франкфуртер Альгемайне» писала в связи с этим: «Хотя двадцать лет тому назад немцы пережили крах (советской) мировой империи, но все же победа капитализма не была столь полной, чтобы конкуренция двух систем исчезла раз и навсегда. Борьба между идеалами свободы и равенства продолжается. Но она ведется теперь не между Востоком и Западом, а внутри нашего общества» („FrankfurterAllgemeine“, 2. Oktober 2010). (подчеркнуто мною - В.Д) Это очень интересная и справедливая констатация, относящаяся и к российскому обществу.

Данная проблема широко представлена в политических исследованиях многих других стран. Поразительно, что она затронула общественную мысль даже цитадели капитализма - США. Видный американский политолог, преподаватель Оксфордского университета Джеральд Коэн опубликовал в США в 2009 г. труд под впечатляющим названием: «Социализм – а почему бы и нет?». В этом году он был опубликован и в Германии (Cohen, Gerald A. „Way Not Socialism?“, Princeton, New Jersey, 2009. Немецкое издание: «Sozialismus – warum nicht“, München, 2010). Свой труд он закончил словами: «Я согласен с Альбертом Эйнштейном, сказавшим, что социализм – это попытка человечества «преодолеть грабительскую фазу человеческого развития» (там же, с.77), т.е. капитализм. Коэн считает, что, хотя эта попытка пока не привела к успеху, было бы неправильно отказаться от нее. И в России наблюдается рост интереса к социалистическому пути развития. Этому вопросу посвящен, например, серьезный коллективный труд «Новый социализм как воплощение русской идеи о справедливости» (М. 2006)

Чтобы лучше понять сущность «нового социализма», надо ответить на вопрос: «Почему же пал Советский Союз?». Было ли это следствием объективных причин, закономерностью, или в этом повинны субъективные факторы? Конечно, социалистический строй, возникший в России в 1917 г. и навязанный силой странам Восточной Европы, был далек от совершенства и нуждался в развитии и улучшении. Видный деятель «Пражской весны» Ч. Цисарж писал в недавно изданном международном труде (1968 год. «Пражская весна». Историческая ретроспектива». Учреждение Российской Академии Наук, Институт славяноведения, Научный центр истории социализма в Восточной Европе. Издательство РОСПЭН, М. 2010 г., 800 страниц, с. 16): «Во всех государствах советского блока постепенно утвердилась модель «социализма по Сталину», и именно это стало катастрофической ошибкой кремлевских правителей. Не только потому, что в этой модели генетически были заложены будущие противоречия и кризисы, а после крушения всей системы произошла дискредитация позитивного содержания идей социализма. Напомню, что оказались утраченными результаты гигантских усилий и решающего веса Советского Союза в разгроме нацистского вермахта, превративших СССР во вторую мировую державу и обеспечивших ей притягательность и авторитет в глазах огромной части человечества». Действительно, внутренняя и внешняя политика Сталина привела к трудно поправимой дискредитации социализма.

Но можно ли было устранить фатальные изъяны тоталитарного социализма, которые в конечном итоге привели к развалу Советского Союза? Представляется, что это вполне можно было сделать при наличии условий для самопознания общества и устранения пороков системы и характера власти. К ним относились:

Во-первых, неспособность власти реформировать и совершенствовать социалистическую систему в соответствии с вновь возникавшими политическими, экономическими, научно-техническими и международными реалиями. Власть была скована идеологическими догмами, силовыми структурами, правовой неурегулированностью властных отношений, отсутствием ее демократической преемственности. На протяжении 70 лет все попытки реформ в Советском Союзе либо душили в зародыше, либо по прошествии некоторого времени прерывались, либо направлялись в ложное русло. Так созданная после 1917 г. социально-экономическая система оставалась застывшей и косной, негибкой, в экономическом отношении недостаточно эффективной и очень уязвимой с точки зрения

стабильности и надежности власти. Отбросив прочь принципы конвергентного характера развития человечества, объявив теорию конвергенции чуть ли не контрреволюционной, советское руководство исходило из того, что существовавшая советская система является верхом совершенства, отвечает «истине в последней инстанции» и не подлежит изменению. На самом деле все упиралось в боязнь элиты потерять в ходе системных изменений свою власть. Но это как раз и привело к ее краху.

Во-вторых, неспособность системы к самоусовершенствованию пагубно отразилась на национальном вопросе, на отношениях между Центром и элитами национальных республик, требовавших для себя больше властных полномочий, большей свободы действий и представительства в центральных органах власти, усиления роли национальной идентичности. Поэтому реформы в области национальных отношений должны были быть направлены на то, чтобы повысить политическую, экономическую и культурную заинтересованность как элит, так и представляемых ими национальностей оставаться в составе союзного государства. Руководство Горбачева слишком поздно, лишь в 1990 — 1991 г.г., поняло это. Запоздалая реформа Союза в условиях ослабления политической власти уже не могла предотвратить роста центробежных сил. Кризисная обстановка требовала принятия экстраординарных мер, вплоть до обращения к идее создания конфедеративного государства. Но это не было сделано.

В-третьих, губительной для страны оказалась ложная в своей основе и совершенно ненужная мессианская гегемонистская политика советского руководства - «отрывка от троцкизма» - его стремление навязать другим странам и народам свои ценности и свою систему правления. Эта политика пожирала львиную долю материальных и духовных ресурсов страны и не позволяла сосредоточиться на повышении благосостояния граждан, обеспечить их социальную удовлетворенность, эффективно развивать гражданские отрасли производства и в конечном итоге — создать положительный «демонстративный эффект» в мире от существовавшего в Советском Союзе общественного устройства. Этот путь был бы намного эффективнее и цивилизованнее, чем навязывать другим силой свои идеи и порядки и выступать в глобальной роли их защитников. В результате «имперского перенапряжения» Советский Союз надорвался. В перспективе он был не в состоянии выдержать противоборства с намного превосходившей его по мощи западной коалицией. Советская политика мессианской экспансии оказалась очень выгодной для Соединенных Штатов. Она позволила им извлекать большую политическую и экономическую выгоду из конфронтации и укреплять свое господство в странах Западной Европы.

В-четвертых, Советский Союз погубила не прекращавшаяся с 1917 г. борьба за власть в верхних эшелонах государства и партии, стоившая стране больших человеческих жертв (например, сталинские чистки), державшая общество в постоянном напряжении. Причины этого надо искать в антидемократическом и в своей сути нелегитимном характере власти. Судьба страны зависела от произвола буквально от одного или нескольких правителей. Государственный переворот «трех» в декабре 1991 г. развалил ее как картонный домик. И никто не воспрепятствовал этому. В правовом, демократическом, социалистическом государстве это было бы невозможно.

В-пятых, развал Советского Союза явился следствием деградации правящей партийной и государственной элиты, отсутствия в ней мобильности, кадрового омоложения, вырождения ее в геронтократию. Особенно уродливые формы это приобрело в правление кланов Брежнева и Черненко. Появились такие асоциальные явления как коррупция, обогащение за чужой счет, забвение норм социалистической морали, предательство народных интересов. Это способствовало прорыву к вершинам власти политических проходимцев, вроде Ельцина, предавшего идеалы социализма и интересы народа.

И, наконец, в-шестых, важнейшей причиной падения Советского Союза явилось отсутствие живой связи между широкими слоями народа и установленной в ней социалистической системой. 28 апреля 1982 г. Институт экономики мировой социалистической системы АН (ИЭМСС) направил в ЦК КПСС мою аналитическую записку, где обращалось серьезное внимание на это чрезвычайно ненормальное и опасное обстоятельство, которое привело к тяжелым последствиям для социализма. В ней, в частности, говорилось: «Одна из важнейших задач ныне состоит, очевидно, в том, чтобы заставить активно работать на социализм весь общественный организм, а не только власть. Ныне существуют многочисленные приводные ремни власти к обществу. Теперь важно создать приводные ремни общества к социализму. А ими могут быть в первую очередь промышленные и сельскохозяйственные производственные единицы, общественные организации, наделенные большой самостоятельностью в принятии решений и в деятельности. Централизация власти должна разумно сочетаться с инициативой, предприимчивостью, творческим простором на местах, в низовых, базовых звеньях общества. Надо именно в этих звеньях создавать материальные и духовные стимулы, заинтересованность каждого отдельного гражданина в социализме. Без этого общество обречено на экономическую и социальную деградацию и кризис. Если власть наделала глупостей, разложилась, как это было в Польше, социализм не должен ставиться под угрозу. Общественные институты социализма могут предотвратить такое развитие. Если же они отсутствуют, образуется либо вакуум власти, который может быть заполнен военной силой, либо угроза контрреволюции. Следовательно, развитие горизонтальных связей и взаимодействия, в первую очередь в экономике, в дополнение к главенствующим вертикальным связям важно не только с точки зрения социальной эффективности общества, его экономического, научно-технического и культурного прогресса, но и для гарантии безопасности социализма в каждой отдельно взятой стране».

Эта записка нашла положительную оценку со стороны консультантов ЦК КПСС. Среди них были исключительно яркие, талантливые и высокообразованные личности. Но окончательные решения принимались не ими. Поэтому в развитие идей, содержащихся в аналитической записки, ничего не было сделано. Так, масса народа, отчужденная от власти и не связанная теснейшими узами, материальными и духовными интересами с существовавшей системой, оказалась совершенно безучастной перед лицом государственного переворота, осуществленного командой Ельцина. В сущности, страну развалила партийная и государственная бюрократия Советского Союза. Населявшие его народы были совсем не заинтересованы в распаде страны. Они почувствовали обрушившиеся на них беды и несчастья лишь после свершившегося факта.

Не подлежит никакому сомнению, что все эти недостатки и уязвимые места советского строя можно было устранить при наличии просвещенного руководства. Очень искусно ими воспользовалась правящая элита США. В конце 90-х годов её представители установили контакт с Ельциным, рвавшимся к власти. Как писал Горбачев в своих мемуарах, Ельцин вел за его спиной тайные переговоры с Бушем-старшим. Они были перехвачены советской разведкой. Но до сего времени их содержание остается в глубокой тайне. О нём можно пока лишь догадываться на основе результатов политики Ельцина после государственного переворота 1991 г.

Были и другие очень важные причины провала перестройки и развала Советского Союза. Американская политика нащупала одно очень уязвимое звено в советской экономике — её чрезвычайно сильную зависимость от мировых цен на нефть и газ. Около 15 национального дохода и около половины советского бюджета составляли доходы от экспорта энергоресурсов. И вот во время перестройки их цена на мировых рынках была сбита стараниями США с 80-90 до небывало низкого уровня — около 6-10 долларов за баррель. Это губительно отразилось на социально-экономическом положении

Советского Союза (Медведев В. У перестройки был свой шанс. В книге: «Прорыв к свободе. О перестройке двадцать лет спустя. (критический анализ). М. 2005, с. 10-11). В стране возник громадный дефицит продуктов питания и других товаров и как следствие – социально-политическая напряженность, недовольство политикой М.Горбачева. Это проложило путь к власти Б. Ельцину и стоявшего за ним американского лобби в лице Гайдара, Чубайса, Березовского и других губителей страны. Этот рычаг экономического давления на Россию в политических целях американские политики с успехом могут использовать в случае необходимости и ныне, учитывая в корне ложную энерго-сырьевую составляющую развития российской экономики, приобретшую в последние 20 лет гипертрофированный характер, когда она стала давать до трех четвертей бюджетных доходов.

Советское руководство, скованное сталинскими догмами, испытывало аллергическую неприязнь ко всяким реформаторским идеям, направленным на изменение извращений, недостатков и «родимых пятен капитализма» в социалистической системе, не желало прислушиваться к мудрым советам и призывам к реформам. А реформы буквально стучались в дверь. Еще Н. Бердяев в своей книге «Истоки и смысл русского коммунизма», изданной в 1937 г., пророчески писал: «...Понимание хозяйственной жизни, как социального служения... не означает признания государства единственным хозяйственным субъектом. Бесспорно, часть промышленности, наиболее крупной, должна перейти к государству, но наряду с этим хозяйственным субъектом должна быть признана кооперация людей, трудовой синдикат и отдельный человек, поставленный организацией общества в условия, исключающие эксплуатацию своих ближних. Государство при этом будет иметь контрольные функции, призванные не допустить угнетения человека человеком» (Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма, М., 1998, с. 152). Бердяев выступал за гуманизацию советского общества, за создание такой общественной системы, которая обеспечивала бы симбиоз свободы личности и просвещенной государственной политики. Из его философии напрашивался вывод о необходимости для России «третьего пути» развития.

К поискам «третьего пути» развития современного общества обратились многочисленные ученые и политики на Западе. Побудили их к этому пороки капитализма, неуверенность в его будущем. При этом многие из них полагали, что не может быть какой-то унификации или единообразия этого пути. Один из представителей этого течения — Вернер Пергер отмечал: «Из старого противоречия между рыночно-консервативной и государственно-социалистической идеологией и политикой нет одного единственного выхода. Существуют много третьих путей подобно тому, как имеются различные типы рынков, социально - государственных и ориентированных на ренту систем и уж тем более правительств...» (Perger Werner A. Der Dritte Weg. Europas Linke sucht nach der groben Botschaft. Auch rechts. Die Zeit, 11. Marz 1999. Можно назвать публикации и других сторонников третьего пути: Rene` Cuperus, Johannes Kandel (Hrsg). European Social Democracy: Transformation in Progress. Friedrich – Ebert- Stiftung, Wiardi-Beckmann-Stiftung. 1998; Giddens Anthony: Der Dritte Weg. Die Erneuerung der sozialen Demokratie. Berlin, 1999 и др.). В определенном смысле можно сказать, что наиболее близко к «третьему пути» стоит шведская модель общественного устройства. Очень интересно о ней написала профессор Эдельтраут Фельфе в своей книге «Шведская модель как государство всеобщего благоденствия будущего» (Felfe Edeltraut. „Das schwedische Modell. Ein Wahlfahrtsstaat als Zukunftsmodell“. Berlin, 2009).

За всем этим научными поисками стояло признание того факта, что развитие рода человеческого носит конвергентный характер. Это обосновали в своих трудах такие международные авторитеты в области социологии и экономики, как Вальтер Ойкен, Питирим Сорокин, Джон Гэлбрейт, Ян Тинберген, Пьер Тейяр де Шарден, Джозеф Стиглиц и др. Приверженцами теории конвергенции были и многие наши соотечественники, среди них академик Андрей Сахаров. Еще летом 1968 года, во время

«Пражской весны», Сахаров опубликовал за рубежом (в Советском Союзе это было невозможно) свой первый концептуальный труд: «Мысли о прогрессе, мирном сосуществовании и духовной свободе». Он дал блестящий анализ пороков советской системы, ущербности глобального политического порядка, основанного на равновесии ядерного страха и тягущего в себе угрозу планетарной катастрофы. Будущее человечества он видел в грядущей конвергенции двух социально-экономических систем, в ходе которой исчезли бы причины и источники их смертельной враждебности и соперничества. Он ратовал за совершенствование и реформирование обеих систем в ходе их мирного соревнования и обмена позитивным опытом. В то время конвергенция представлялась ему единственно возможным путем для постепенного преодоления противостояния Восток — Запад и прекращения опасной и разорительной глобальной конфронтации. Однако в этом он глубоко ошибался. После ельцинского переворота в 1991 г. Россия пошла по капиталистическому пути. Тем не менее, США стали проводить против нее, как и прежде против Советского Союза, конфронтационный, враждебный курс, направленный на ее всемерное ослабление. За этим крылись геополитические и геоэкономические интересы.

Идеи конвергенции напрочь отвергались консервативными кругами советского руководства. Они ошибочно считали, что всеобщим и единственным политическим и социально-экономическим эталоном являлась общественная система, установленная в Советском Союзе. Каждое отклонение от нее рассматривалось как ренегатство и было наказуемо, даже с помощью военной силы. Но уже в самом начале становления мировой социалистической системы возник идеологический и политический конфликт между руководством Югославии и Советского Союза. Броз Тито оказался волевым государственным деятелем, отстоявшим, вопреки массивному нажиму из Москвы, югославский путь развития, включавший элементы конвергенции. Опыт самоуправляющегося социализма доказал во многих отношениях свои существенные преимущества, несмотря на присущие ему недостатки. Уровень и качество жизни в Югославии были выше, чем в Греции, Турции, Португалии и Испании, впрочем, даже и в Советском Союзе.

В 1950-60-х годах видные теоретики, политологи и общественные деятели ГДР стали инициаторами нового реформаторского движения. Их целью было создание «демократического социализма» на основе теории «третьего пути». Один из его видных представителей — Вольфганг Харих еще в 1956 г. разработал платформу демократического социалистического реформирования ГДР и создания в сотрудничестве с социал-демократами предпосылок для объединения Германии (Ein Streiter für Deutschland. Auseinandersetzung mit Wolfgang Harich. Hg. Siegfried Prokop. Berlin, 1996). За свои идеи он был исключен из СЕПГ и приговорен к десяти годам тюремного заключения.

В начале 1962 г. тогдашний председатель Госплана ГДР Ерих Апель в содружестве с учеными разработал Новую экономическую систему государственного планирования и управления (NÖSPL). По словам ее духовного отца профессора Герберта Вольфа, задача заключалась в том, чтобы «преобразовать преимущественно административную систему в преимущественно экономическую, ориентированную на рыночные отношения и рентабельность, достигаемую посредством стимулирования материальной заинтересованности в эффективности производства» (Цитировано: Gerhard Schürer. Statement zur Internationalen Forschertagung an der Europäischen Akademie in Otzenhausen, am 20.11.1998, S. 3). При этом сохранялась сильная регулирующая и направляющая роль государства. Появлению этой программы реформ во многом способствовала хрущевская «оттепель». Значительную роль в реформаторском движении в ГДР сыграли и такие видные ученые и государственные деятели, как Герман фон Берг, Вольфганг Зайферт, Роберт Хавеман, Ганс Баро, Вольф Бирман и другие. Реформы были поддержаны председателем правительства ГДР Вальтером Ульбрихтом и стали претворяться в жизнь. Но им не

суждено было сбыться. Они были запрещены после свержения Хрущева и прихода к власти в Советском Союзе партийной группировки во главе с Брежневым, враждебно относившейся ко всяким обновлениям существовавшей системы. Вместо Ульбрихта главой правительства ГДР был назначен Эрих Хонеккер, тоже не терпевший никаких реформаторских начинаний. Так первая попытка социалистической реформации, предпринятая в ГДР, была подавлена. Эрих Апель в отчаянии и в знак протеста покончил жизнь самоубийством.

О том, что реформы социалистической системы назрели и были необходимы, свидетельствует и тот факт, что советский премьер Н. Косыгин – многоопытный и мудрый «социалистический менеджер», хорошо знавший состояние и недостатки экономики страны, попытался в 1965 г. пересадить идеи реформаторов ГДР на советскую почву. Но при всем своем авторитете он не смог убедить членов Политбюро в неотложности реформ, призванных радикально повысить эффективность и рентабельность советской экономики. В стране начался длительный застой, охвативший почти все сферы жизни.

Через два года после провала проекта Апеля эстафету реформ подхватили чехословацкие и венгерские реформаторы. «Пражская весна», писал Цисарж, ознаменовала собой реформаторский процесс нового типа, по всей вероятности, и новый вариант общественной революции. В программе преобразований имелись зачатки так называемой конвергенции двух противоположенных систем; был взят курс на реальное обеспечение гражданских свобод, гарантировавший гражданам жизненные ценности и социальную уверенность в условиях гуманного и демократического строя... В экономике, в сфере производства и торговли на смену принципа централизованного регулирования должны были прийти рыночные отношения, определяемые юридическими нормами (так называемыми правилами игры) В условиях существования смешанных форм собственности планирование обеспечивало равенство государственных, кооперативных и частных предприятий, в том числе на макроэкономическом уровне. Государственные органы были призваны обеспечивать эффективное функционирование системы административного управления, образования, здравоохранения, социальной сферы, органов юстиции, государственной безопасности, армии, способствовать проведению научных исследований, развитию творческих организаций и союзов, спорта и удовлетворять другие потребности граждан» (1968 год. «Пражская весна», с. 25). Внешнеполитическая программа пражских реформаторов благообразно предусматривала: оставаться и впредь членами Организации Варшавского Договора и СЭВ, сохраняя тесные дружеские отношения с Советским Союзом.

Как же Кремль реагировал на «Пражскую весну»? Об этом можно составить вполне ясное представление на основе капитального труда: «Чехословацкий кризис 1967-1969 гг. в документах ЦК КПСС», подготовленного Федеральным архивным агентством и Российским государственным архивом новейшей истории и опубликованного в 2010 г. издательством «РОСПЭН» (1150 страниц). Из содержащихся в нем документов явствует, что престарелые партক্রаты в Политбюро совершенно не осознавали того, что от успеха пражских реформ зависит не только дальнейшая судьба обновленного социализма, но и самого Советского Союза. Не поняв этого, они встали на путь подавления силой чехословацкого реформаторского движения. 21 августа 1968 г. войска ОВД вторглись по приказу из Москвы в Чехословакию. Спасительным реформам был положен конец.

В связи с этим надо сказать об удивительном историческом парадоксе того времени. Оказалось, что успеха «Пражской весны» и реформирования социализма в Вашингтоне боялись не меньше, а, может, даже больше, чем в Москве. Новый «демократический социализм» мог оказать сильнейшее влияние на страны Западной Европы, которые были охвачены в 1968 г. небывалым массовым движением за проведение радикальных реформ капиталистической системы. В сочетании с «Пражской

весной» это движение могло значительно ослабить геополитические позиции США на Европейском континенте. Документы ЦК КПСС свидетельствуют, что администрация США и лично президент Джонсон провоцировали Брежнева и советское руководство на ввод войск в Прагу. Они заверяли кремлевских руководителей, что США признают Восточную Европу как советскую сферу интересов и не станут вмешиваться в нее и не предпримут никаких действий в ответ на военную акцию Советского Союза против ЧССР (Это очень наглядно показано в главе д.и.н., проф. И.И.Орлика «Мировое сообщество и события в Чехословакии в 1968 г.», опубликованной в упомянутой книге «1968 год», с.183-294). Таким образом, разгром «Пражской весны» был на руку правящей элите США. Делу социализма он нанес колоссальный ущерб. Провозглашенная в это полное трагизма время «доктрина Брежнева» об «ограниченном суверенитете» социалистических стран перекрыла им на многие годы дорогу для реформ под угрозой военной интервенции. Вадим Белоцерковский писал в связи с этим: «Брежневский «реальный социализм», подавив Пражскую весну, а впоследствии и стремившееся к той же цели движение «Солидарность» в Польше, решительно изменил ход мировой истории, сделав максимум для того, чтобы здоровый, жизнеспособный, «синтезный» социализм нигде не мог бы взрасти. Если еще к этому прибавить то, что Сталин и его преемники предельно подавили у населения Советского Союза способность к политической инициативе, объединению, самоорганизации и солидарности, то следует заключить, что все сторонники нашего «реального капитализма», отечественные и за-рубежные, должны были бы скинуться, не поскупиться и построить высочайший памятник Сталину и сталинистам, без усердия которых им пришлось бы сегодня очень плохо!» (Белоцерковский Вадим «Пражская весна» и судьба России», «Независимая газета», 21.8.1998).

В то время и над реформами в Венгрии нависла угроза со стороны неисправимых догматиков в советском руководстве, требовавших устранить лидера венгерского реформаторского движения Яноша Кадара и не допустить новой «Пражской весны». Но были и противники такого образа действий. Позицию защиты венгерских реформ занял Институт экономики мировой социалистической системы АН. Именно для этого им были представлены в ЦК КПСС многочисленные записки и доклады. Среди многих консультантов ЦК они нашли понимание. Янош Кадар оказался очень искусным и гибким политиком, сумевшим шаг за шагом отстоять реформы от натиска из Москвы. Они принесли внушительные успехи в росте экономики, ее эффективности и качества, в повышении благосостояния граждан, их социальной удовлетворенности. В стране произошла буквально «зеленая революция». Это стало возможным благодаря тому, что венгерские сельскохозяйственные товарищества, в отличие от советских колхозов и совхозов, были освобождены от государственного плана, могли самостоятельно планировать и организовывать свое производство и осуществлять сбыт продукции через созданные ими бытовые кооперации. Разве не поразителен тот факт, что Европейское Экономическое Сообщество, в противодействии конкуренции венгерской сельскохозяйственной продукции, запретило ее ввоз в свое экономическое пространство. При населении в 9 млн. человек Венгрия могла ежегодно принимать, кормить и образцово обслуживать около 5 млн. туристов. Вот на что был способен реформированный, даже не в полной мере, социализм.

Новая историческая перспектива для социалистической реформации открылась с началом перестройки в Советском Союзе в 1985 г. Без преувеличения можно сказать, что от ее успеха зависело дальнейшее развитие человечества. Перед политикой и наукой социалистических стран возникла исключительно важная задача - опираясь на обобщение международного опыта социалистического строительства, наметить оптимальные пути реформирования социализма. Значительный вклад в это дело внес Институт экономики мировой социалистической системы (ИЭМСС) АН. Его сотрудники представили в советские руководящие органы множество аналитических докладов и записок, содержавших

новаторские идеи по обновлению экономической и политической системы социализма, созданию благоприятных международных условий для проведения реформ.

Эти проблемы решались в тесном содружестве с учеными социалистических стран. В качестве примера такого содружества можно привести две важные конференции, проведенные в НРБ в 1986 и в 1987 годах, в период становления теоретических основ перестройки. Звукозапись исключительно интересных докладов и дискуссионных выступлений участников второй конференции были изданы на русском языке, к сожалению, только в Болгарии в том же году без всяких сокращений и поправок. Книга называлась: «О новом теоретическом видении социализма» и предназначалась для избранного круга лиц («О новом теоретическом видении социализма»). Институт истории БКП при ЦК БКП, Отдел «Международное рабочее и коммунистическое движение», София 1987). От ИЭМСС в конференции участвовали Е.А. Амбарцумов, А. П. Бутенко, В.И. Дашичев, В.П.Киселев, Ю.С. Новопашин, Л.Ф.Шевцова, от Академии общественных наук при ЦК КПСС - Б.М.Пугачев. От болгарской стороны – А.Анастасов (МИД НРБ), В.Боев (профессор, проректор Академии общественных наук и социального управления при ЦЛ БКП), Д.Елазар (директор Института истории БКП при ЦК БКП), Е.Матов (академик, зам. председателя Госплана НРБ), Тодор Попов (Профессор Софийского университета), Д. Сирков (профессор, зам. директора Института истории БКП), Кирилл Василев (профессор Софийского университета) и др.

В центре внимания участников оказались кардинальные вопросы: что надо взять и что отбросить из теоретического наследия Маркса и Энгельса, ленинское видение социализма, искажение сущности социализма при Сталине, как должна выглядеть новая модель социализма, идущая на смену сталинской, старые и новые понятия власти и самоуправления при социализме, как должны сочетаться микро- и макроуровни, вертикальные и горизонтальные связи в политике и экономике при новом социализме, формы собственности и товарно-денежные отношения при социализме, место и роль ассоциаций производителей в социалистическом обществе, разработка новой концепции внешней политики Советского Союза, сущность нового этапа сотрудничества социалистических стран в рамках СЭВ и ОВД и на двухсторонней основе.

Невозможно передать все богатство идей, высказанных в ходе дискуссий и занявших 380 страниц книги. Остановлюсь лишь на некоторых главных, имеющих отношение и к нашей сегодняшней действительности. Первое слово было предоставлено А. П. Бутенко. Он задал тон дискуссиям, сказав: «Перестройка представляет собой революционный процесс именно потому, что она должна не просто очистить старую модель социализма от извращений, ошибок и наслоений прошлого. Речь идет о новой модели, в принципиальном, существенном виде отличающейся от прежней, от прежнего нашего видения социализма. То новое мышление, о котором так много сейчас говорят, должно иметь своей сущностью не только глобальные проблемы, не только международные аспекты, но и иметь в своем содержании новое видение социализма. Скажу сильнее: новое видение, новая концепция социализма должны составлять ядро этого нового мышления» («О новом теоретическом видении социализма», с. 10).

Особое внимание было уделено жгучему вопросу - соотношению государственной власти и народного самоуправления. Ведь именно характер государственной власти, приобретший при Сталине и его последователях тоталитарный характер, привел к извращению самой сути социализма и во многом содействовал его падению. А.Бутенко напомнил о классическом определении социализма как общественного строя, где налицо власть самих трудящихся, «власть народа посредством самого народа». Исходя из этого, он считал, что сталинское правление нельзя рассматривать как власть народа. Власть является только тогда народной, когда реализуются не только интересы трудящихся, но и их

воля. Властные функции должны быть переданы там, где это возможно, вниз, к ассоциациям непосредственных производителей. А те, кто осуществляют общие властные функции от имени народа, должны быть поставлены под строгий общественный контроль. Социализму глубоко чужд "казенно-бюрократический дух" - то, что было при Сталине, Мао Дзе Дуне или Пол Поте. "Казарменный социализм", где все спланировано, все делается только по указанию сверху и насильственно навязывается обществу, ничего общего не имеет с истинным социализмом (Идейное наследие А.П. Бутенко, его вклад в разработку теории социализма и проблем социалистической реформации в Советском Союзе представлены в его замечательной книге «Наука, политика и власть. Воспоминания и раздумья». Изд. «Социально-гуманитарные знания», М. 2000).

Эти теоретические положения вызвали оживленные комментарии. Так, В.Киселев задался вопросом: «А как быть с готовностью трудящихся к управлению? Что же, самоуправление сразу можно вводить без учета фактора политической и экономической культуры, компетентности членов ассоциаций трудящихся?». При этом он высказался в унисон с А. Бутенко за радикальное преобразование власти, выстроенной Сталиным, в демократическое правление. Больше того, он считал, что неограниченная, персонифицированная и сверхцентрализованная власть в конце концов погубит Советский Союз и социализм. В подтверждение этого он привел весьма колоритный пример: «В 1920 году был арестован некий С. Мельгунов. Он был членом "Союза возрождения", боролся против революции. Как он боролся, мне сейчас трудно судить. Материал, который я использовал, - это Красная книга ВЧК, под редакцией Лациса, том 2, Москве, 1922 год, страница 218. Во время следствия он сказал, почему он вступил в борьбу с революцией, с социалистическим государством: "Мы имеем сейчас даже не диктатуру пролетариата, а диктатуру для пролетариата. Фактически, относясь всегда отрицательно к идее диктатуры одного класса, я должен еще с большей отвращением отнести к группе, диктаторство которой опиралось на своего рода преторианство. Советская власть в действительности плодит в России не коммунистов, а новую буржуазию. Именно этот класс собственников, возросший на хлебах коммунистических, должен будет в своих интересах, в точном согласии с марксистской теорией о борьбе классов ликвидировать Советскую власть. Здесь будет неизбежен 9 термидор". Что же, в декабре 1991 г. это предвидение сбылось».

Е. Амбарцумов усомнился в формуле «власть народа посредством самого народа». Она выступает как некое заклинание. Но где критерии этой власти? В сомоуправленческом социализме в Югославии действительно есть предприятия трудящихся, их коллективы определяют направление развития, уровень зарплат. Но есть объективные оценки, что и в них происходит отчуждение трудящихся, нет реального самоуправления, все решает технократия. Власть народа – это прекрасная фраза, но как этого добиться на деле?

Д.Сирков поставил вопрос намного шире. Он рассмотрел концепцию дальнейшего развития социализма, которая была выдвинута Т. Живковын на июльском Пленуме ЦК БКП 1987 года. Ее центральная идея - самоуправление. Это не просто модель дальнейшего развития, не просто совершенствование нашего общества и социального управления. Дело в том, что мы идем от одной модели к другой, качественно отличающейся от той, которая до сих пор у нас существует. Как же решает проблему соотношения государства и самоуправления новая концепция? Самоуправление - это те органы, которые существуют параллельно государству, которое само должно стать самоуправляющимся. При этом самое существенное и интересное для нас – это новая роль партии. До сих пор она была на вершине государственной пирамиды. По новой концепции она выходит из структуры государственной власти, но сохраняет свою роль как важнейшего компонента политической системы социализма. Государственная власть и руководство партии - вещи разные. При новом положении они

партнеры. Это предполагает, что они могут выступать в качестве оппонентов по отношению друг к другу.

Такова совершенно новая ситуация. Как в таком случае будет функционировать наша общественная система? Речь идет об идеологическом, теоретическом, даже политическом плюрализме. Можно ли придерживаться понятий единомыслия в партии, единомыслия в обществе, как это было в прошлом? Как соотносятся понятия "единомыслие" и "единодействие"? Если признаются разные точки зрения, то как в такой ситуации может быть обеспечено единство действий? Может быть, нам надо говорить не столько об единомыслии, сколько о согласии, консенсусе? Существует и проблема отношений партии с общественными организациями. До сих пор общественные организации выполняли решения, которые принимала партия. А сейчас, согласно нашей новой концепции, партия и общественные организации - это партнеры, как и в случае отношений между партией и государством. И партия проводит свою политику не путем принятия решений партийных органов, которые являются обязательными для государственных органов и общественных организаций, а через деятельность своих членов в этих организациях. Это совершенно иная ситуация. Как практически может функционировать общество в такой ситуации? Это самая острая проблема, которая сейчас поставлена развитием социализма.

Т. Попов рассмотрел вопрос о самоуправлении в более конкретной форме. Мы сейчас все находимся, сказал он, в психологическом дискомфорте от экономических неудач и думаем, что самоуправление будет тем волшебным средством, которое сдвинет дело повышения экономической эффективности с мертвой точки. Что показывают забастовки рабочих в Югославии? Если они являются хозяевами средств производства, против кого же они бастуют? Ведь не против себя? Значит, сложилось такое положение, когда рабочий не может действовать как подлинный хозяин средств производства. Эти недостатки присущи модели, которая уже практикуется в Югославии 40 лет. Дело здесь, очевидно, в том, что через самоуправление мы хотим собрать воедино два совершенно различных субъекта: владельцев средств производства, с одной стороны, и рабочую силу, с другой. Это невозможно. Не менее существенное значение, чем самоуправление, будет иметь введение на наших предприятиях акционерного участия рабочих в производстве, как это было сделано в Румынии и Венгрии.

Л. Шевцова: Действительно, и польские события показали, что самоуправление нельзя ни абсолютизировать, ни идеализировать. Социологические исследования, проведенные в Польше и в Югославии, показывают, что, когда решение принимается большинством, нередко в нем начинают преобладать усредненные, не обязательно прогрессивные интересы. Подчас решения, которые принимает коллектив, выносятся на поверхность консервативные, маргинальные, случайные интересы. Потому что коллектив как целостность нередко больше заинтересован в стабильности, а не в изменениях, не в нарушении привычного, устоявшегося. Это психология массы, логика ее поведения, если ее не толкают на крайние меры. Уроки "Солидарности" и опыт кризисных событий 1981 года в Польше показали, что там в ходе неуправляемых выступлений масс активизировались явно антинародные, антисоциалистические лозунги. Спорен и тезис о том, что причина трудностей и кризисных явлений в Югославии - в чрезмерном развитии самоуправления. Скорее всего, в его недостаточности, в несовершенстве координации, взаимодействия с государственными органами.

В то же время надо признать, что самоуправление, как и любая другая форма управления, имеет свои пределы возможностей, свои противоречия. На практике роль коллектива, особенно территориального, во многих случаях сводится к вспомогательной, совещательной функции. Есть также опасность совмещения в одном субъекте функции и управления, и самоуправления. Это сейчас показывает практика ряда стран: Польши, Венгрии, а в еще в большей степени Китая. Теперь мы смотрим на Китай как на страну, решительно идущую по пути поиска нового. Опыт показывает, что когда принимается решение,

возможно совмещение и профессионального начала, и саморегуляции, например, в виде работы совещательных комиссий, включающих представителей широкой общественности. Так, в практике ПНР правительство принимает решения, но при этом учитывает мнения консультативного совета. Он стал сейчас очень активен. Еще 5 лет назад невозможно было представить, что при разработке решений в социалистическом обществе будет возможна такая борьба взглядов. Развитие, очевидно, будет проходить в направлении развития многообразия форм принятия решений в ассоциации производителей.

В. Дашичев: о государственной власти и самоуправлении под углом зрения российских традиций. Россия четыре века была крепостной страной, где масса народа жила под властью самодержавия и помещиков, была полностью отчуждена от средств производства и не заинтересована в эффективном труде. Это положение сохранялось практически до первой мировой войны. Реформа 1861 года не освободила крестьян. Она не дала им надежды. Они превратились в арендаторов помещичьей земли. Это обусловило и позднее развитие капитализма в России. Случилось это в результате эгоизма правящих классов, их узколобия. Экономическая активность низов общества была сведена к минимуму. Ее нельзя было сравнить с высокой экономической активностью общества во Франции, Англии, не говоря уже о Соединенных Штатах. Это предопределило и сильное экономическое отставание России от Франции, Англии и других западных стран. Эта пагубная российская традиция была прервана социалистической революцией. Она возвестила передачу земли в руки крестьян, а фабрико-рабочим. Банки, заводы, фабрики были национализированы. Революция поставила в порядок дня важнейшую задачу: как максимально развить активность - и политическую, и экономическую, и культурную - низовых звеньев общества, которые спали веками в России. Решение этой задачи были призваны обеспечить система Советов, кооперация в самом широком понимании, хозрасчет и использование в интересах социализма товарно-денежных отношений.

Но практически после 6-летнего разбега в социалистическом строительстве (где-то после гражданской войны до 30-х годов) этот процесс был снова прерван. Произошло возвращение к вековой российской традиции. Центральная власть снова лишила низы общества экономической, политической инициативы, что было обосновано Сталиным и теоретически. Известно его положение о том, что прежде, чем освободить отдельного человека, надо освободить общество. Так человеческая личность была отодвинута на задний план. Из этой теоретической предпосылки возникла теория Сталина с всемерным усилением централизации государственной, а на деле личной власти "от имени народа", а в сущности - "над народом" и над партией. На селе возникло «государственное крепостничество», ибо колхозы не представляли собой подлинной кооперации, были накрепко привязаны к плану. Крестьяне снова оказались в бесправном положении. Это привело к девальвации труда и жизни в деревне. Начался массовый исход крестьян из деревни в город.

С другой стороны, и в промышленности возникло отчуждение рабочих от средств производства, ставших государственной собственностью. Трудящиеся практически не могли влиять на производство, положение дел в стране. Это предопределило девальвацию труда. В результате производительность и в деревне, и в промышленности намного уступала развитым капиталистическим странам. Советский крестьянин, например, кормил около 8 человек, а фермер в Соединенных штатах - более 70 человек. Следовательно, мы можем по праву говорить о политической и экономической деформации социализма в период правления Сталина. Этой модели социализма была свойственна пассивная исполнительность, с одной стороны, и административно-волевые методы управления сверху, - с другой. Другая ее особенность состоит в затратном, экономически не выгодном характере.

Одно тесно связано с другим. Сформированный Сталиным основной закона социализма, который сводился к максимальному удовлетворению постоянно растущих

материальных и духовных потребностей общества, как раз и основывался на идее затратности. На первый план было вынесено удовлетворение потребностей общества без учета того, какой ценой и какими издержками труда это будет достигнуто. В условиях окружения высокоразвитых индустриальных держав, производство которых ориентировано на максимальную отдачу при возможно более минимальных издержках, Советский Союз был обречен на проигрыш в экономической соревновании с капитализмом. Для социализма как более совершенного, высокоорганизованного и высокопроизводительного общества, должен быть свойствен закон социальной эффективности, понимаемый в самом широком смысле. Он охватывает и экономическую, и политическую, и культурную, и научно-техническую эффективность.

На деле этого не было, и Советский Союз, располагая громадными природными богатствами, вынужден был плестись в хвосте экономического прогресса, особенно по жизненному уровню населения, демонстрируя успехи лишь на отдельных участках. Вот поразительный факт: в начале 60-х годов ВВП Японии - страны, население которой более чем в 2 раза меньше, чем в Советском Союзе, страны, которая не имеет практически никаких природных ресурсов, - подняла ВВП по отношению к Советскому Союзу с 50 % в начале 60-х годов до 75 % к концу 70-х годов. Это был наш экономический Порт-Артур. А ведь известно положение, что социализм должен доказать свои преимущества перед капитализмом своей экономической, социальной, культурной политикой, а не мессианской экспансией. Существующая сейчас у нас экстенсивная модель возникла в 30-х годах. Конечно, не нужно примитивно сводить все только к личности Сталина. Надо учитывать и то обстоятельство, что в нашей стране чрезвычайно сильным было влияние мелкобуржуазности, в особенности, когда произошел такой отлив крестьянской массы в город. Надо учитывать и очень сильное ослабление нашей партии в результате уничтожения тонкой прослойки революционеров, которую, как говорил Ленин, надо было беречь как зеницу ока. Вспомним классический пример Французской буржуазной революции, когда враждующие группировки взаимно уничтожили друг друга и один за другие все их лидеры угодили на гильотину - и Робеспьер, и Дантон, и Сен-Жюст, и Збер и др. Силы революции были подорваны.

Примерно то же самое случилось у нас. Во французской революции ослабление революционных сил привело к бонапартистской диктатуре, у нас - к культуре личности. Хотя исторические аналогии очень условны, но здесь есть большое сходство. Данное обстоятельство было немаловажной причиной возникновения экстенсивной, затратной экономической системы, порожденной политическим сверхцентрализмом, сковавшим экономическую активность в низовых звеньях общества. Сейчас от этого и нужно освободиться. Мы должны создать социально - эффективную модель социализма. В этом смысле перестройка поднимает наши возможности не только в обеспечении действительно надлежащих социальных, экономических, гуманитарных, интеллектуальных условий развития, но и дает большие шансы в соревновании с капитализмом.

Л. Тодоров, коснувшись пассивной исполнительности масс в России, возразил, что в Японии социальная эффективность очень высокая и в то же время ее общество функционирует на основах именно пассивной исполнительности низов. Так что связи между пассивной исполнительностью и социальной эффективностью мало.

В. Дашичев: Экономика Японии как раз отличается величайшей гибкостью и активностью именно на микро-экономическом уровне. Наши представления о том, что транснациональные корпорации, громадные концерны играют ведущую роль, не точно отражают положение дел. Костяк промышленности составляют мелкие и средние предприятия. Это все время нами недооценивалось. На них применяются наиболее гибкие, эластичные формы, приспособленные к научно-техническому прогрессу, к технической инновации. Норма инновации там необычайно высокая, что и служит ярким показателем очень большой активности, эластичности, гибкости на микро-экономическом уровне, чего у нас нет. Наши

предприятия до последнего времени - это закостеневшие в своей деятельности хозяйственные единицы, которые ориентировались только на контрольные цифры плана. Они оторваны от рынка, от потребителя, не заинтересованы в прогрессе.

Е. Амбарцумов: Не стоит все сводить к самоуправлению. Демократия не тождественна ему, она сама представляет собой первостепенную социальную и политическую ценность. Хочу коснуться двух ее аспектов. Во-первых, это гласность. Сегодня совершенно ясно, что если столь оживленной и насыщенной стала общественная жизнь нации страны, то это в первую очередь благодаря гласности. Гласность не может быть усеченной, формальной. Она важна для самоуправления общества. Мы плохо знаем общество, в котором живем. Но как мы можем знать его, если не высказываем вслух свои мысли и не обмениваемся ими. Гласность важна для самовыражения общества, для выбора между разными альтернативами, вариантами развития, для самокоррекции общества. Она должна войти в нашу повседневную жизнь. А мы все еще не привыкли к ней, часто думаем, правильно ли я выразился, не сказать ли чего лишнего. Гласность означает: если у тебя сформировалась серьезная, достаточно обоснованная мысль, то ее надо безбоязненно высказать. Второй аспект - это проблемы демократического централизма. Эта система правления сформировалась в определенных условиях борьбы за власть, в условиях войны, противостояния всему миру. Ее мы абсолютизировали. И это привело к культуре личности.

Очень интересные мысли в связи с этим высказал профессор Софийского университета Кирил Василев. После смерти Ленина, по его мнению, отношение к ценностям социалистическим ориентациям претерпевает коренные изменения. В 20-х и 30-х годах Генеральный секретарь ЦК ВКП(б) в обстановке острых социальных противоречий начал проводить политику, окрашенную налетами своеобразной политической мистики и призванную легализовать власть в одних руках. Он фактически создал из реального образа Ленина что-то вроде социалистической иконы. Сталин установил культ Ленина так же, как и Великий инквизитор Торквемада установил культ Иисуса. Есть достаточно оснований, чтобы провести эту аналогию. А культ личности Сталина - это кровавая драма в истории социализма, которая стоила жизни миллионам людей, деформирует и в настоящее время сознание большого числа граждан. И сейчас культ личности не изжит. Из драмы он превратился в фарс и проявляется в разных формах. Прежде всего поддерживается культ Ленина. Это не дает возможности сделать переоценку гениальных идей Ленина, которые выдержали испытание истории, а которые нет.

В этом нет вины Ленина, потому что он действительно является самым великим теоретиком и практиком революции не только нашей эпохи, но и всей мировой истории. Но вместе с тем он - человек и был не в состоянии решить все проблемы. Культ личности проявляется именно как закрепощение мысли официальными установками по ряду основополагающих проблем обществоведения. Для нас и теперь главенствует "Magister dixit" как аргумент истинности, как традиция ставить науку в зависимость от решений партии. Такого общераспространенное явление. Но наука делается не на съездах, а в научных лабораториях. Культ личности проявляется и в страхе перед новыми идеями, которые еще не канонизированы "сверху". Этот порок распространен не только в обществоведении, но и в других отраслях науки. Мы говорим о новом мышлении, но без освобождения от страха перед новыми идеями, его не будет. Культ личности проявляется и в том, что существуют деятели, недоступные критике. Это ненормально.

Каковы же причины, создающие культ? Они комплексны. Назову только некоторые: экономическую и культурную отсталость страны, сохранившиеся глубокие традиции самодержавия прошлой эпохи и отсутствие демократических традиций, ситуации больших трудностей в социалистическом строительстве, вызывающих необходимость усиления политического принуждения, игнорирование преимуществ самоуправления как

социального завоевания цивилизации. Наконец, запрет критики "верхов", монополия личной власти, ограничение прав человека. Какие преобразования нужно провести, чтобы сделать государственную власть, соответствующую принципам социализма?

Во-первых, добиться публичной гласности. В Советском Союзе в этом направлении уже ведется работа. Гласность без сокрытия, утаивания социально значимой информации. Во-вторых, нужна полная свобода мысли, ориентированной на социалистические ценности, свобода критики, невзирая на лица, их статус. Руководители должны терпеть критику, по крайней мере, так, как ее терпел Ленин. Я ознакомился со стенограммами всех партийных форумов времен Ленина и был очень удивлен тем, как он терпимо относился к критике, направленной против него. Свобода критики должна сочетаться с ответственностью за ее зажим. До этого мы еще не доросли. Нужно начинать со свободы печати. Гюго сказал, что свобода печати - мать всех свобод. Далее, нужен перелом в механизме социального управления, прежде всего введение действительно демократического соревнования и отбора при назначении кандидатур на руководящие должности, не обусловленном только решением сверху. Наши парламентские выборы - это фарс, потому что мы не выбираем - не из кого выбирать, - а голосуем. Необходимо также ограничение срока пребывания у власти, ликвидация диктаторских методов социального управления, установление подлинно демократических принципов руководства и организации социалистического общества.

Е. Матеев, опираясь на свой опыт руководства Госпланом НРБ, показал, в чем состоят основные недостатки существующего механизма управления экономикой социалистических стран и как от них можно избавиться. Корни этих недостатков, по его мнению, уходят главным образом в неправильное распределение интересов. В чем здесь суть? Предприятие заинтересовано в том, чтобы выполнить и перевыполнить задание, спущенное ему сверху. В этом его интерес. Если это задание легкое, его просто перевыполнить. Отсюда предприятие может извлечь много выгоды. Если задание жесткое и предприятие сделало огромные усилия и выполнило его, оно заслужит благодарность. Но если оно на 1 % не выполнило план, наказание неизбежно. Значит, критерием оценки в существующем механизме является степень выполнения спущенного сверху приказа. Отсюда все последствия. Коллективы заинтересованы в том, чтобы выполнять не напряженные, а более легкие задания. Если снизу вверх идет нажим с целью получить более легкое задание, то сверху вниз идет нажим для установления более высоких заданий. Нужен баланс интересов, а если руководствоваться нажимом снизу вверх, никакого баланса не получится. Главным образом потому, что снизу идет нажим в интересах получения более низких заданий.

Получается, что экономика в целом является затратной, потому что я, как директор предприятия, требую при составлении плана больше материалов, больше рабочей силы, больше производственных фондов и запасов, чтобы легче выполнить и перевыполнить задание. В итоге появляются диспропорции плана, а без пропорциональности нет возможности перевыполнить задания. Желая произвести больше, я не могу этого сделать, потому что мешает наличие фондов по плану. особенно, если он плохо составлен. Таким образом, экономика в целом оказывается затратной и не эффективной. Можно еще много говорить о конкретных недостатках этого механизма. Но дело в том, что он был объявлен единственно присущим социалистической экономике и социалистической собственности. Произошла его идеологизация и догматизация. Это нанесло большой вред развитию экономики. Не общественная собственность, и, тем более, не социализм виноваты, что сложился такой механизм управления экономикой. Получается, что мы сами попали в свою собственную идеологическую ловушку, поверив, что этот механизм - единственно возможное проявление социализма и общественной собственности. Но на самом деле они не связаны.

В каком направлении можно искать выход из создавшейся ситуации? В свете основного недостатка традиционного механизма управления можно легко определить задачи его реформирования. У нас предприятия заинтересованы в том, чтобы выполнить приказ, спущенный сверху. Мы сможем выйти из этой ловушки, если интересы предприятия будут направлены на то, чтобы дать более дешевую и более качественную продукцию и получить от этого доход. Исторически главный центр притяжения интересов мог как-то существовать наверху до тех пор, пока задача сводилась к тону, чтобы поднять страну до современного экономического уровня, т.е. до тех пор, пока осуществлялась экстенсивная линия развития. Но когда подлинный прогресс стал возможным только на интенсивном пути, потребовалось сместить интересы на микроэкономический уровень. Предприятия надо заинтересовать в том, чтобы выпускать более дешевую и более качественную продукцию. Как это сделать? Допустим, не только директор, но и рядовые работники могут получать доходы от того, что они осуществляют научно-техническую реконструкцию на своем заводе и дают более дешевую продукцию и более высокого качества. Если эта возможность реализуется, то при наличии свободного рынка фондирование становится излишним. Предприятие, если оно свободно от строгой регламентации свыше и получает доходы, может закупать то, в чем нуждается на рынке. Возражение, что оно будет закупать много ненужного, несостоятельно. Зачем это ему? Ведь мы его заинтересовали в производстве продукции, которая может быть востребована на рынке и давать доход. Этим оно и будет руководствоваться, получив свободу рук.

Е. Амбарцумов развил затронутый Е. Матеевым вопрос о собственности при социализме. В последние годы большой бедой и, неонет быть, одной из первоочередных сравнительно низкого уровня нашей жизни, того, что наше сельское хозяйство топчется на месте в течение долгих лет, является пренебрежение к кооперативной собственности. Начиная со Сталина, с конца 20-х - начала 30-х годов, т.е. чуть ли не полвека, извращалось ленинское понимание кооперации. Ведь в известной статье Ленина речь шла о кооперации малых, обособленных, самостоятельных производителей, а отнюдь не о колхозах. Это потом уже приписали Ленину такое понимание, будто он выработал план колхозного строительства. Ничего подобного. Он, кстати, довольно скептически относился к первым колхозам потому, что они были неэффективны. Речь шла о другом - о снабженческо-сбытовой, кредитной и прочих кооперациях, а отнюдь не о производственной кооперации, которая к 1927 - 1928 годам охватывала большую часть крестьянских хозяйств.

Настоящим экономическим чудом был именно НЭП, в котором был реализован ленинский кооперативный план. Это была первичная, простейшая форма кооперации, которая тогда оказалась чрезвычайно продуктивной. И сегодня, когда мы осуществляем наши экономические реформы, речь идет о широком, не однотипном понимании кооперации, не сводимом к колхозам, которые у нас практически превратились в государственные хозяйства, хотя их отличие от совхозов, к сожалению, почти сошедшее на нет, обеспечивало колхозам более высокую, чем в совхозах, производительность труда. Даже при мелочной государственной регламентации - назначенстве, постоянной смене председателей колхозов, диктате, что и когда сеять и убирать, - даже в таких жестких условиях колхозы обеспечивали производительность труда выше на 10-15 %, чем совхозы. Сейчас понимание кооперации более широкое, потому что мы применяем ее и в сфере услуг, и в промышленной и сельскохозяйственной деятельности, и в развитии разных форм экономической активности. Очень интересный опыт в этой сфере накоплен у братских стран. Так, у венгров есть промышленные кооперативы - группы умельцев, как их называют - хозяйственные организации при крупных предприятиях. В ГДР высокие успехи и производительность труда в сельском хозяйстве обеспечиваются не госхозами, а кооперативными хозяйствами. А в Болгарии, может быть, больше, чем в любой другой стране, наиболее поучительны исторические традиции кооперативного движения.

Большое место в дискуссии заняло критическое рассмотрение системы взаимоотношений между социалистическими странами, а также их политики на международной арене. Ю. Новопашин выразил мнение, что по своему характеру взаимоотношения между социалистическими странами являются межгосударственными, хотя в теории стоит задача превращения их в отношения между народами. Межгосударственный, по преимуществу, характер этих отношений не достоинство, а, скорее, большой недостаток. То, что почти все прерогативы на взаимные отношения стран социализма находятся в руках государства, его центральной администрации - это ведь источник бюрократической заорганизованности наших связей. Вот мы говорим сейчас о перестройке, широкой демократизации. Но менее всего, думается, к этому готова международная сфера в рамках социалистического сотрудничества. Она более всего зарегламентирована. Процесс перестройки повлиял на нее пока мало. Наш институт разработал и представил руководству много новых идей по усовершенствованию взаимоотношений между соцстранами. Прежде всего, надо назвать новую концепцию советской политики в социалистическом содружестве.

Во-вторых - это критическое переосмысление концепции социалистической интеграции. Здесь наблюдается разрыв между словом и делом. Экономисты наших стран создали теорию интеграции, но она не работает. Мы остались на стадии простого товарного обмена. В-третьих - это необходимость перестройки экономического и политического сотрудничества и устранения недостатков в деятельности Совета Экономической Взаимопомощи, превратившегося в бюрократическую организацию. Наше нынешнее политическое руководство делает акцент на безусловном уважении суверенитета социалистических стран и на взаимовыгодности экономических связей между ними. Без скрупулезного соблюдения общедемократических принципов международного права никакого интернационального социалистического здания не построишь. Об этом заявил Горбачев на митинге в Праге: "Мы исходим прежде всего из того, что всю систему политических отношений между странами социализма можно и должно неукоснительно строить на основе равноправия и взаимной ответственности. Никто не располагает правом претендовать на особое положение в социалистическом мире. Самостоятельность каждой партии, ее ответственность перед своим народом, право суверенно решать вопросы развития страны - это для нас безусловные принципы" (Правда, 1987, 11 апреля). Конечно, надо видеть отличие этой позиции от политики, которая проводилась в брежневский период.

Наконец, о перспективе развития наших отношений. Задача заключается в том, чтобы преодолеть государственную монополию на отношения Советского Союза с социалистическими странами. Ока привела к тяжелым последствиям. Хотя в документах XXV съезда КПСС сказано, что наши отношения якобы уже превратились в подлинные отношения между народами, на деле этого нет. Одна из важнейших причин кризиса в нашем экономическом сотрудничестве заключается в директивном характере наших взаимных отношений. Здесь большая вина политики советского руководства.

В. Дашичев: Противостоит, что в социалистическом мире процессы интернационализации протекают намного медленнее, чем в капиталистическом, где они идут несравненно интенсивнее и глубже. Чем больше вовлеченность социалистических стран в международные кооперационные связи, тем выше экономический, технический, научный и культурный уровень их развития. Это фактор, который заставляет нас задуматься серьезно. Наша закрытость, как и всякая закрытость, означает отсталость. Под этим углом зрения надо посмотреть и на сотрудничество в рамках СЭВ.

Ю. Новопашин. Последнее, о чем надо сказать - это многовариантность отношений. У нас сложилось представление, что отношения должны строиться по единой схеме. Их стержень - межпартийные связи. Если хороших межпартийных связей нет, то нет и нормальных межгосударственных отношений как, например, с Китаем

или Албанией. Но мировая социальная система не рухнет от того, что у Советского Союза и Китая нет межпартийных отношений. Она будет развиваться и далее. Те коминформовские времена, когда советское руководство пыталось господствовать и стремилось добиться единообразия в системе наших отношений, миновали и, кажется, навсегда.

В. Дашичев: некоторые соображения о советской внешней политике. На нашей дискуссии сложилась атмосфера доверительности, и мы можем откровенно поговорить о тон, в чем ее недостатки и как их устранить. Прежде всего, остановлюсь на месте и роли внешней политики в нашей политической системе. Как это ни парадоксально, эта сфера деятельности государства находится вне всякого контроля общественности, вне всякой критики. Никогда еще в истории нашей страны не было случая, чтобы министр иностранных дел высказал критические замечания в адрес советской внешней политики прошлого, как будто их не было вовсе. Тем более он не мог признать текущие ошибки. Формировалась внешняя политика Сталиным, а после него очень узким кругом лиц в Политбюро. А роль общественности и науки до последнего времени была очень ограничена, а иногда просто исключена.

Вот, например, в проекте "Звезда-4", который разрабатывался в 1979-1984 г.г. коллективно учеными социалистических стран, был выдвинут целый ряд очень конструктивных идей в области внешней политики (Актуальные проблемы внешней политики стран социалистического содружества в отношении развитых социалистических государств в 80-е годы. Проблемная комиссия по многостороннему научному сотрудничеству академий наук по исследованию вопросов взаимоотношений государств двух социальных систем. Конфиденциально. Москва, 1984, 200 страниц. (в дальнейшем Проект «Звезда»). Но они только сейчас стали претворяться в жизнь. Пора задуматься и о том, что у нас отсутствует механизм коррекции внешней политики. Это очень серьезный вопрос. Раз такого механизма нет, значит, мы не гарантированы от принятия ложных решений и от повторения ошибок во внешней политике. Результаты этого могут быть обескураживающими. Если мы подвергнем анализу нашу внешнеполитическую деятельность в 70-х годах, мы обнаружим нарушения основополагающих принципов внешней политики, особенно принципа соответствия поставленных целей реальным возможностям их достижения. В чем это выразилось реально? Например, при Брежневском долгие время действовала совершенно ненужная и крайне ущербная для советской экономики доктрина стратегического паритета Советского Союза с США, Англией, Францией, другими западноевропейскими странами. Отчасти к ним можно было отнести и Китай в 60-70-е годы. Т.е. было явное несоответствие поставленных целей реальным возможностям их достижения. Лишь недавно на смену ей пришла доктрина разумной достаточности сил, сформулированная в проекте «Звезда-4».

Второй пример. Политика - это искусство приобретения союзников, но не наживания врагов. Однако на протяжении 60-х, 70-х и начала 80-х годов происходило сплошь и рядом нарушение этого принципа. Мы ничего не предпринимали, чтобы ликвидировать фронт великих держав, который советское руководство само воздвигло против Советского Союза. Никогда в истории не было так, чтобы Англия, Франция, США, Япония, Китай выступали так или иначе вместе против одной державы, какой оказался Советский Союз. Сомнителен был и подход к вопросам борьбы за мир, против гонки вооружений. В чем это выразилось? Мы знаем, что война так же, как и гонка вооружений, есть продолжение политики иными средствами. Но наши внешнеполитические акции исходили как бы из того, что корень зла - в гонке вооружений. Таким образом, мы телегу ставили впереди коня. Для свертывания гонки вооружений нужно было решать в первую очередь политические вопросы: противоречия в политической сфере, в том числе, в идеологической. Мы же на передний план выдвинули

вопросы разоружения. Но они не могут быть решены без сбалансирования политических интересов.

Между прочим, ИМЭПИ неоднократно ставил этот вопрос перед руководством. Но лишь после XXVII съезда КПСС он стал постепенно обретать добавившее ему значение в политике. Далее. Мы довольно грубо нарушали принципы правильного выбора внешнеполитических приоритетов. Гонялись за частными успехами, которые достигались несоразмерно высокими экономическими и политическими издержками. Надо было, например, выбрать, что важнее: нормализовать и улучшить отношения с Китаем или поддержать введение в Кампучию вьетнамских войск. Мы выбрали второе. Тем самым преградили путь к нормализации отношений с Китаем. Ввод советских войск в Афганский очень серьезно осложнил международное положение Советского Союза. Здесь мы затронули интересы Запада, исламских стран и Китая. Голосование в ООН на протяжении 1980-1987 годов показывает, что число государств, выступающих против советской акции в Афганистане не уменьшилось, а, наоборот, возросло. Были допущены серьезные ошибки в оценке глобальной ситуации с точки зрения перспектив и возможностей нашей политики. Наступление на позиции Запада в «третьем мире» в 70-е годы не соответствовало создавшейся международно-политической ситуации. А чем это кончилось, известно: разрядка пошла под откос, началась невиданная гонка вооружений.

Это было и следствием отсутствия правильного согласования внешней и внутренней политики. Уже в начале 70-х годов стало ясно, что приоритет должен быть отдан созданию благоприятных международных условий для внутреннего упрочения страны, проведения экономических реформ. Наступление в "третьем мире"шло вразрез с этой приоритетной задачей. Еще один пример - несогласование политической и военной стратегии. Ярким выражением этого явилось размещение на позициях ракет СС-20, которые были направлены против Западной Европы, хотя нашим противником выступали США. Это повлекло за собой дальнейшее обострение ситуации. Наша внешняя политика носила часто ущербный и затратный характер. Мы навлекли на себя своими внешнеполитическими акциями все большее и большее бремя военных расходов, политических и моральных издержек. На протяжении правления Рейгана военные расходы США повысились на 1 триллион долларов. Мы вынуждены были тянуться за ними. Гонка вооружений, особенно в новых технологиях, в противоракетной обороне (СОИ) стала для США выгодным способом давления на Советский Союз. Здесь они оказались в состоянии прижать нас к стене, вызвать у нас экономические, социальные и политические трудности. Этому могли противодействовать в какой-то мере наши инициативы в интересах развития хельсинкского процесса. Но об этом не подумали. Для преодоления "мономышления" при выработке внешнеполитических решений необходимо усовершенствовать механизм их принятия. Должна быть повышена роль комиссии по иностранным делам Верховного Совета. Почему мы в ней не можем серьезно обсуждать вопросы нашей внешней политики? Особенно до принятия решений. Почему мы не можем в ее рамках создавать экспертные группы, в которые привлекались бы и учёные, и политики, и общественные деятели?

Тем самым они помогали бы министерству иностранных дел находить правильные решения внешнеполитических проблем. Коротко о нашем содружестве. Идеал социализма - обеспечить непосредственное общение народов. Но как и все другое, интеграцию ли мы проводим или осуществляем программу научно-технического сотрудничества до 2000 года, все это не наполнялось реальным содержанием. Мы общаемся на партийной уровне, на ведомственных уровнях, но широкого, непосредственного общения народов, людей нет. И мы его не будем иметь до тех пор, пока не создадим взаимную конвертируемость наших валют или не перейдем на единую валюту. Это главное препятствие для нашей интеграции. Что бы мы не говорили, как бы не откладывали решение этого вопроса, рано или поздно он должен быть решен. Без всеобщего эквивалента стоимости в зоне СЭВ не будут возможны ни прямые

связи, ни человеческие контакты, ни создание совместной собственности, совместных предприятий. Что касается изменения функций СЭВ в новых условиях, то главное сейчас – перенести центр тяжести в его деятельности с макро- на микроэкономический уровень, на свободный, селективный выбор кооперационных связей предприятиями...

Рассмотрению дискуссионных проблем Софийской теоретической конференции 1987 г. отведено так много места, чтобы показать, что на ней был продемонстрирован общий для многих стран СЭВ уровень разработки необходимых теоретических предпосылок проведения социалистической реформации. По сути дела, речь шла о создании новой конвергентной модели социализма, которая должна была включить в себя лучшие социальные достижения человеческой цивилизации, в том числе и то позитивное, что дал капитализм. Это не означало установление какой – то унификации общественного устройства для всех стран. В отличие от системного единообразия, которое старое советское руководство со времен Сталина стремилось навязать странам Восточной и Центральной Европы и поддерживать его, в случае необходимости даже силой, был выдвинут принцип дифференцированного подхода к общественному устройству с учетом национальных особенностей каждой из стран, вступивших на путь социалистического устройства. Было признано необходимым по новому определить важнейшие критерии демократического социализма: роль государственной власти как выразительницы не только интересов, но и воли народа и как главного регулятора социально-экономических процессов, введение политического плюрализма, всемерное развитие народного самоуправления и кооперации, разумная децентрализация плановой экономики и наделение предприятий определенной самостоятельности в принятии решений и в их деятельности, признание разнообразия форм собственности - государственной, общественной, кооперативной и частной, использование товарно-денежных отношений в интересах социалистического общества.

В сфере международной политики речь шла прежде всего об освобождении советской политики от духа коммунистического мессианства. Советское руководство никак не могло понять, что практика доминирования или, что еще хуже, господства, независимо от кого она исходит – от социалистической или капиталистической страны, - противоречит вечному стремлению человека, народа или правящей политической элиты к свободе и неизбежно вызывает негативную реакцию и противодействие. В системе международных отношений данная практика ведет к международной напряженности и войнам. Она препятствует установлению между странами гармоничных, взаимовыгодных отношений. Кремлевские вожди от Сталина до Черненко были убеждены в том, что модель «верноподданный» лучше всего подошла для отношений Советского Союза с социалистическими странами и обеспечивала консолидацию коммунистически ориентированных сил в «классовой борьбе против капитализма».

В этом смысле советское мессианское сознание самым тесным образом переплеталось с претензиями СССР на единоличное лидерство в мировом социалистическом движении и с советскими имперскими амбициями. Не говоря уже о конфронтации Восток-Запад, оно сеяло раздоры между странами социалистического лагеря. Такая политика имела еще один крупный недостаток. Монополизация и централизация всегда душат совершенствование и разнообразие, делая невозможным раскрытие и утверждение лучших, наиболее жизнеспособных форм организации общества. Стремление ограничить социализм рамками советской модели блокировало путь к его развитию и совершенствованию. Таким образом, советская внешняя политика совершала тройной грех: а) она спровоцировала конфронтацию Запада и Востока, которая часто принимала характер, крайне опасный для сохранения мира; б) стала причиной конфликтов внутри социалистического лагеря и в) блокировала развитие

социализма и его преобразование в демократическое общественное устройство, которое могло бы превзойти достигнутые политические и социальные стандарты Западной Европы, содействовать прогрессу человечества. Ущербный характер данной «триады» советской внешней политики был очевиден.

Эти вопросы были поставлены в подготовленной мной аналитической записке, направленной Ю.В. Андропову 10 января 1982 г. В центре ее стояли проблемы вывода Советского Союза из состояния ненужной и опасной конфронтации с Западом, которая поглощала лучшие силы нашей страны и делала невозможным решение более важных задач внутреннего развития. Собственно, речь шла о путях прекращения «холодной войны». Подобная историческая задача могла быть решена только радикальным пересмотром идеологических принципов тогдашней политики, прежде всего, путем отказа от «классовой борьбы» на международной арене и от мессианской роли Советского Союза как «движущей силы» «коммунистического и национально-освободительного движения», что служило основанием для советской экспансии и вмешательства во внутренние дела государств. Это должно было привести к значительным переменам – к отказу от брежневской доктрины «ограниченного суверенитета» и от концепции «стратегического паритета» с Западом, к установлению равноправных партнерских отношений с социалистическими странами Восточной Европы и других регионов.

Только так можно было создать условия для сбалансирования политических интересов с Западом, ослабить или вообще устранить конфронтацию Восток-запад, создать условия для реального процесса разоружения, устранения угрозы ядерной войны и преодоления «холодной войны». В записке, в частности, говорилось: «Пусть некая держава стремится резко усилиться и расширить сферу своего гегемониального влияния. Каковы будут последствия этого для мирового сообщества? Слабые страны вольно или невольно будут подчиняться этой державе, ее господству. Она будет становиться еще сильнее и подчинять более сильные государства и т. д., пока мир не превратится в одно сверхгосударство или определенный политический порядок под гегемонией этой державы. Но этого до сих пор не произошло. Объясняется это тем, что в системе мирового сообщества существует обратная отрицательная связь к усилению отдельного государства (державы) и расширению сферы его господства до пределов, которые начинают угрожать интересам других государств, особенно великих держав. Результатом действия этой отрицательной обратной связи является объединение сильных государств в "антикоалицию" против потенциально или реально сильнейшего (в регионе, мире)...

«Антикоалиция» со временем неизбежно настолько усиливается, что противостоящая ей держава и возглавляемый его союз оказываются не в состоянии выдержать военное и экономическое противоборство. Следовательно, всякий экспансионизм и гегемонизм таит в себе зародыш собственной гибели. Об этом говорит опыт мировых войн». Эти теоретические выводы из анализа международных отношений можно ныне адресовать и правящим кругам США, страдающим синдромом мирового господства.

Преобразования старой социалистической системы, внутренней и внешней политики социалистических стран были вполне осуществимы. Все зависело от успеха перестройки в Советском Союзе. Но, начатая в 1985 г. и с таким энтузиазмом поддержанная народом, она потерпела полный провал. Это явилось великой трагедией для социализма. Для благополучного завершения перестройки у ее руководства не хватило ни теоретического видения, ни уверенности в исторической правоте социализма, ни государственной мудрости, особенно воли для ее защиты и доведения до конца, до утверждения в стране новой, демократической, социалистической системы. В разгар реформ власть в стране без труда и без всякого сопротивления со стороны М. Горбачева перешел Б. Ельцин. Разве можно было тогда представить себе, что

этот «кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС» предаст идеи социализма, разрушит Советский Союз и повернет Россию вспять, на путь капитализма в его наихудшем, мафиозно-олигархическом обличье. То, что сотворил Б. Ельцин, свидетельствовало о глубоком нравственном падении и диком невежестве многих представителей тогдашней советской правящей номенклатуры.

Объективных причин для падения перестройки в 1991 г. не было. Горбачев объясняет ее провал так: «Справедлив и правомерен вопрос, нельзя ли было выбраться из советской системы с гораздо меньшими издержками. Думаю, что можно. Как минимум необходимо было сохранить союзное государство, пусть в сокращенном составе, и не допустить к власти Б.Н.Ельцина с его окружением. Я как мог старался предотвратить такое развитие событий, но не сумел. Не сумел потому, что для этого надо было идти на кровопролитие, жертвовать человеческими жизнями, а для меня это абсолютно неприемлемо. И пусть история рассудит, кто здесь прав, а кто – нет. Я верю в справедливость ее вердикта» (Россия – 2010. Российские трансформации в контексте мирового развития. Горбачев-Фонд, Москва, «Логос», 2010, с.10-11). Для спасения перестройки совершенно не нужно было прибегать к кровопролитию. Следовало всего лишь послать в Беловежье роту спецназа и арестовать «банду трех» - организаторов государственного переворота. Как президент Советского Союза М. Горбачев мог по телевидению обратиться к народу с призывом спасти страну. И он нашел бы полную поддержку. Ведь на референдуме в марте 1991 г. за сохранение Советского Союза проголосовало более 80 проц. советских граждан. Надо было во что бы то ни стало выполнить волю большинства и проявить ответственность и даже мужество, чтобы выполнить эту историческую миссию. Это не было сделано.

Может быть, разгадку такого бездействия надо искать в заключении эксперта Горбачев-Фонда В.Б. Кувалдина, писавшего: «Придя к власти, М. Горбачев вовсе не собирался строить капитализм в Советском Союзе. Он хотел преобразовать государственный социализм в демократический, взявший на вооружение различные формы собственности и рыночные механизмы, придать социализму человеческое лицо, но движение в этом направлении было прервано сначала августовским путчем, а затем - беловежским сговором. Здесь мы оставляем вопрос о том, насколько реалистична цель построения «общества демократического социализма», поскольку в мировой практике (пока?) не было подтверждения этой гипотезы. Начиная с 1988 г., М. Горбачев объективно движется в сторону капитализма, поскольку его демократические новации разрушают советский строй изнутри. Если бы он не был насильственно отстранен от власти в результате государственного переворота, то раньше или позже СССР распрощался бы с государственным социализмом навсегда. На смену ему пришел бы капитализм, но не олигархический ельцинский закваски, а демократический западноевропейского образца. Конечно, и в этом случае до Западной Европы нам было бы далеко, как говорится, шагать и шагать, но хотя бы вектор движения был бы задан в верном направлении» (Россия – 2010, с. 14-15).

С этой констатацией вряд ли можно согласиться. Советский Союз должен был двигаться вперед по пути обновленного социализма без приватизации природных ресурсов, тяжелой промышленности, особенно ее стратегических отраслей, без коммерциализации образования, науки, культуры, без ослабления роли государства, особенно в области экономики, и без предоставления полной свободы стихийной игре рыночных сил, что свойственно классическому капитализму американского типа. От него, в соответствии с теорией конвергенции, советской политике надо было взять лишь все то положительное, что могло быть использовано в интересах советского общества, но без утраты основ и идейных ценностей социализма.

Социалистическая реформация в Советском Союзе была подавлена, как и в ЧССР. С той лишь разницей, что это было сделано не извне, а изнутри, доморощенными руками. Роль в этом политики США и их спецслужб

СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ

заслуживает специального рассмотрения. К сожалению, у нас она очень мало изучена и совершенно неадекватно оценивается.

Что же принес России государственный переворот в декабре 1991 г.? На смену государственному социализму в страну пришел капитализм. Своеобразие его, по определению В.Б. Кувалдина, состоит в том, что он поздний, периферийный, зависимый, возвратный и замаскированный (Россия – 2010, с. 15-19). К этому можно было бы добавить: стыдливый, если учесть, что первые лица страны избегают в своих публичных выступлениях говорить о том, что страну вернули к капитализму, и наглый, бессовестный, судя по деяниям административных лиц, занимающих высокие посты, и олигархов (как Абрамович, Прохоров-Куршевельский и др.).

Россию потряс шок: из бутылки был выпущен злой дух наживы, безнравственности, коррупции и криминала. Страну охватила бездуховность, вся личная и общественная жизнь закружилась вокруг денег и наживы, почти половина населения России оказалась за чертой бедности, в экономике утвердился нефтегазовая модель «роста без развития», в 3 раза снизился объем промышленной продукции, в 13 раз сократился бюджет страны, организованные преступные группы стали контролировать половину экономики страны («Знание - власть» № 17, май 2007 г.). Народ был самым бессовестным образом ограблен криминальной приватизацией его национальных богатств, их громадную часть беспрепятственно вывезли за рубеж, в основном в США. Произошла невиданная деградация осиротевших науки, культуры, искусства. За 8 лет ельцинского режима Россия скатилась в разряд развивающихся стран.

Адептам и последователям этого режима следовало бы прислушаться к словам видного деятеля перестройки В. Медведева: «Никак не вяжутся с утверждениями об углублении демократии общеизвестные и никем не опровергнутые факты о тесных связях Ельцина и его окружения с крупнейшими олигархами, их решающим влиянием на государственные решения. Самым «сильным» аргументом в пользу углубления демократии в ельцинской России подается единовременное введение свободного ценообразования и массовая приватизация государственной собственности. Но эту шоковую терапию даже нет оснований называть реформами. Это, по существу, разрушение существовавшей экономики и открытие простора для экономического хаоса в надежде на «невидимую руку рынка». Этот процесс неизбежно приобрел антидемократический и антисоциальный характер, пошел на пользу спекулянтам и теневым дельцам, коррумпированным чиновникам разного ранга и нанес огромный ущерб населению: падение вдвое реальной заработной платы, обесценение сбережений, рост безработицы и т.п.

И главное, он не только не привел к оживлению экономики, а, напротив, вверг ее в беспрецедентно глубокий и продолжительный кризис, завершившийся дефолтом августа 1998 года. Политика администрации Ельцина потерпела полное банкротство, но не потому, что она следовала перестройке, а скорее наоборот – потому что ничего общего не имела с ней ни по целям, ни по методам их достижения. Высшим смыслом ее было скорейшее разрушение социализма, с которым отождествлялось советское прошлое, и возврат к капитализму, где всем управляет «невидимая рука рынка». И все это - революционным путем: через тотальную приватизацию собственности, полный уход государства из экономики и минимизацию его социальных функций» (Прорыв к свободе. О перестройке двадцать лет спустя. Критический анализ. Горбачев-Фонд, М. 2005, с. 19-20).

После государственного переворота Ельцина в столкновение пришли две исторические парадигмы общественного развития. С одной стороны – это парадигма государственного социализма: «общественное благо» выше «личного блага». Она нашла свое выражение в сталинской концепции: «прежде чем освободить человека, надо освободить общество». Ей была отведена роль идеологического обоснования ограничения свобод и прав личности, а также необходимости сверх

централизованной, тоталитарной власти в стране «в интересах общества». С другой стороны – это парадигма капитализма: «личное благо» выше «общественного блага». Этот идеал либерализма и неолиберализма служит прежде всего интересам финансово-олигархического капитала, нуждающегося в неограниченной свободе. США поставили концепцию свободы личности во главу угла своей глобальной мессианской политики. Она явила собой как бы антитезу социальному идеалу государственного социализма.

На самом деле обе эти парадигмы несостоятельны. Нельзя в государственной политике противопоставлять интересы общества и личности. «Личное благо» должно быть в полной гармонии с «общественным благом». Они неразрывно связаны между собой. Именно в этом состоит идеал демократического социализма. Неверно отделять свободу и права личности от ее обязанностей перед обществом. Где игнорируются обязанности и ответственность личности, там нарушаются нормы морали и нравственности, господствуют произвол, коррупция, мошенничество, преступность.

В ельцинское и последующее время на вооружение нового российского руководства была взята именно капиталистическая парадигма социального развития. Это нанесло России громадный экономический ущерб, даже больший, чем оставила Великая Отечественная война. Известный эксперт по России из Германского общества внешней политики Александр Рар не без удивления писал: «Это правда, что наметившийся к концу девяностых годов обвал России в экономический хаос можно было остановить только путем возвращения к сильноному государственному контролю над важнейшими стратегическими отраслями и общественными институтами. Возникший при Борисе Ельцине могущественный картель олигархов стал препятствием для всякого прогресса и способствовал ограблению русского экономического потенциала» (Rahr A. Schröders Russland-Politik. „Internationale Politik“, 9/2004, S. 91).

Стране до сих пор не удалось вернуть даже тот экономический уровень, который существовал в 1990 г., не достигла она и уровня ВВП 1990 г., Ничего не было сделано, чтобы снять страну с «нефтегазовой иглы», изменить структуру экономики и стать на путь развития высоких технологий. Наоборот, Россия была превращена в полуколониального поставщика энергоресурсов и сырья для Европы и Китая. Ее судьба была поставлена в прямую и опасную зависимость от цены на нефть и газ на мировом рынке. В плачевное состояние были ввергнуты машиностроительная, судостроительная и авиационная промышленность. Разве не позорно, что когда-то великая авиакосмическая держава вынуждена покупать в США «Боинги», а в других странах, даже в Израиле - военную технику? Из-за кризисного положения сельского хозяйства страна потеряла продовольственную независимость, вынуждена закупать в США «ножки Буша».

Были забыты и преданы анафеме социалистические и социальные ценности и идеалы, создававшиеся на протяжении столетий европейской цивилизацией. В глубокий кризис были ввергнуты образование и наука. Справедливые суждения об этом высказал М.Горбачев: «По сравнению с советскими временами положение отечественной науки не улучшилось, а стало намного хуже. По всему было видно, что новым хозяевам жизни она вообще не нужна, даже противопоказана. А не востребованная обществом, брошенная на произвол судьбы научная мысль агонизирует и умирает. Печальный парадокс: новая власть повернулась спиной к науке именно тогда, когда объективная потребность в ней была особенно велика. И снова тяжелой расплатой за неуважение к общественно значимым стали огромные издержки строительства новой России» (Россия-2010, с. 9). То, что новая власть повернулась к науке спиной, не удивляет. В советское время наука служила главным средством легитимации социалистического строя. Аналогичную роль она не может выполнять ныне для капитализма, возникшего в России, тем более в результате государственного переворота.

Нельзя не сказать и еще об одном несчастье России: ее поразил небывалая депопуляция. Ее титульной нации –

русскому народу был нанесен трудно поправимый демографический ущерб, даже больший, чем во время Великой Отечественной войны. В результате развала Советского Союза вне России осталось около 25 млн. русских. По подсчетам экспертов ООН к середине 21-го века российское население упадет до 101,456 млн. человек (Демографический кризис в регионах СНГ. http://www.zlev.ru/61_56htm, 06.03.2010). Так колоссальные жертвы и лишения, принесенные советским народом во имя создания нового общества, оказались по вине Ельцина и его режима совершенно напрасными. А жертвы эти были катастрофическими. В гражданскую войну страну покинули около 2,5 млн. граждан, в основном интеллектуальная элита, было убито около 8 млн. граждан. Во время коллективизации были депортированы в Сибирь 10 млн. кулаков – цвет русского крестьянства, большая часть которого погибла. В голодомор, созданный в результате насильственного изъятия у крестьян запасов зерновых, продажи их за рубежом, чтобы на вырученную валюту закупить оборудование и машины для индустриализации, умерло от голода около 6 млн. человек. Сталинские «чистки» унесли с собой несколько миллионов человек. Жертвы Великой Отечественной войны составили по последним официальным данным 27 млн. человек. Из немецкого плена вернулись после войны около 5 млн. человек. Все они были отправлены в ГУЛАГ. Сколько из них погибло, неизвестно. Ни один народ в мире не понес в XX веке таких чудовищных потерь и не испытал столько страданий, как русский.

Особенно чувствительными для страны в советский период оказались потери интеллектуального генофонда русской нации. Новый удар по интеллектуальному потенциалу России был нанесен в постсоветское время. С 1992 по 2010 г. страны бывшего СССР покинули, спасаясь от нищеты и профессиональной бесперспективности, 3 млн. научных работников и высококлассных специалистов («Утечка мозгов из России». Передача радиостанции «DeutscheWelle», 14 июня 2010 г.). Большая часть из них – выходцы из России. Длительное кровопускание в интеллектуальной элите самым отрицательным образом сказало на общей и политической культуре многих поколений власть имущих как в Советском Союзе, так и в России.

Немалую роль этот фактор сыграл в развале Советского Союза, который привел и к падению социализма в европейском регионе. Фактически социалистическая система держалась там только на советских штыках и была не способна существовать самостоятельно. В этом тоже была вина советского руководства. Ничего подобного не случилось бы, если бы в Советском Союзе и в других европейских социалистических странах состоялась обновление существовавшего в них строя, и он обрел бы жизнеспособность. В пользу этого говорят грандиозные успехи мудро проведенных реформ в Китае, превративших страну в одну из ведущих держав мира, обогнавшую уже по промышленному производству США. Интересное сравнение развития Китая и России дала швейцарская газета «Neue Zürcher Zeitung»: «На протяжении 20 лет китайцам внушается, что им достаточно только взглянуть на северного соседа, чтобы понять, что может случиться, если поставить под вопрос благотворную роль всемогущей партии. Так произошло, когда некогда великий социалистический брат опустился в либеральный хаос, который не принес ничего, кроме бедности и распада. Китай напротив продемонстрировал, как развивающаяся страна со слабой экономикой постепенно может превратиться в динамично растущий центр мира. Для этого он должен, глядя в будущее, управляться твердой рукой, не забывая о планировании, чтобы не позволить ослабить себя анархией рынка. Кажется, этот тезис нашел сторонников и на Западе» («Neue Zürcher Zeitung», 25-26. Juli 2009, S. 12). Для такого мирового экономического прорыва, который совершил Китай, Советский Союз имел несравненно лучшие исходные позиции. Надо с горечью признать, что это не было использовано. Больше того, после 1992 г. эти позиции были утрачены.

В свете глубокого обвала России во всех сферах жизнедеятельности на протяжении последних 25 лет представляется, что идеи «Пражской весны», как и всего

реформаторского движения в социалистических странах, отнюдь не представляют собой чисто исторический интерес. Они не потеряли своей актуальности и в наше время. «Я не верю, заключает один из ее ярких приверженцев - Цисарж, что успешное развитие Европы лежит на пути признания свободы на грани анархии, отказа от разумных ограничений и от принципов справедливости.... Не может быть так, чтобы гуманно и демократически понимаемый социализм был проигнорирован и вычеркнут из истории.... Попытки политических недоумков в современном чешском обществе замолчать, перечеркнуть или предать позору гуманистическую основу дела «сторонников шестьдесят восьмого года» я считаю величайшей глупостью. Конечно, в своем начинании мы не избежали ошибок.... Ошиблась – и крупно! – история, допустив, что наши едва начавшиеся реформы, принятые большинством народа, были подавлены военной силой прежде, чем смогли продемонстрировать свою жизнеспособность....» («1968 год. «Пражская весна», с. 27-28)

Касаясь современности, Цисарж продолжает: «Наибольшую опасность представляет дефицит научно разработанных программ и проектов, которые, гармонично сочетая интересы разных слоев, стали бы частью политики и как таковые были бы признаны обществом.... Недостаток способных, образованных и умных профессионалов зажигает «зеленый свет» перед дилетантами и бездарностями, ведет к непродуманным, наносящим прямой вред решениям».

Радетели капиталистического пути России пытаются представить дело так, будто для нее не может быть никакого конвергентного, или нового социализма. Так, например, Владимир Ступишин в своей статье «Теория конвергенции» сегодня» пишет: «Давайте на минуту поверим в реальность конвергенции и зададим себе вопрос: а что стоило бы взять у капитализма и социализма в конвертируемую модель общества? Совсем недавно известный ученый Вячеслав Дашичев взялся по новой доказывать, что «создание конвергентного общества, которое вообрало бы в себя наилучшие черты нашего прошлого развития и современной западной социальной системы, наилучшим образом отвечало бы интересам России» («Литгазета», № 43, 23-29. 02. 2010). Однако перечисляя «характерные черты» своего «конвергентного общества», он почему-то сделал упор на том, что давно реализовано в развитых капиталистических государствах, зато «наилучших черт нашего прошлого», или «социалистических ценностей», вы у него днем с огнем не найдете. Оно и понятно: сам автор признает, что «тоталитарная коммунистическая система была практически демонтирована», а это ведь и есть наше недавнее прошлое с его «социалистическими ценностями» (<http://noev-kovcheg.lgb.ru/article.asp?n=69&a=44>) Автор этих строк глубоко заблуждается или сознательно пытается замолчать хорошо известные ему и всем факты. Посмотрим же, что мы могли бы взять, например, от советской системы и что отбросить из нее? И чем бы нас могли порадовать особенности капитализма?

Для конвергентного общества, или «нового социализма» совершенно неприемлемы социальные и политические извращения, которые были свойственны советской системе. Это тоталитарные и авторитарные тенденции, упование на силу и силовые структуры, как главную опору власти, государственный произвол, ущемление демократии, сверх централизованное планирование и управление экономикой, подавление инициативы и инакомыслия, отрицание необходимости парламентаризма, многопартийности и оппозиции как условия для здорового развития общества и легитимности власти, мессианский, экспансивный характер внешней политики и стремление навязать другим государствам силой коммунистический строй советского образца.

Наряду с этим социализм в советском исполнении имел множество положительных особенностей и черт, которые могут быть зачислены в сокровищницу мировой политической мысли и практики, в идейный арсенал реформаторского движения современности. С учетом их необходимой трансформации это в первую очередь:

СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ

- Сильная государственная власть, располагающая крупными финансовыми и материальными ресурсами, чтобы быть способной направлять развитие социальных, экономических, технических, научных, образовательных и культурных процессов в интересах общества и прогресса страны, не ущемляя при этом творческой свободы и предпринимательской инициативы граждан. Развитие общества должны определять не стихия рынка, не частнособственнические интересы, а человеческий разум.

- Стратегическое планирование в важнейших сферах экономической жизнедеятельности общества, учитывающее многообразие форм собственности и автономность предприятий

- Функция денег как исключительно расчетного средства для государства, предприятий, организаций и граждан. не служащего интересам частной наживы и политического господства, исключающего финансовые махинации и аферы и играющего не основополагающую, как при капитализме, а подсобную роль в обществе.

- Государственная собственность на природные недра и ресурсы (газ, нефть, металлы, золото и пр.), которые должны использоваться в интересах всего народа, подъема экономики страны, а не для наживы кучки олигархов и чиновников;

- Полная национализация всей банковской системы, чтобы она служила не финансовому ростовщическому капиталу, не создающему никаких ценностей, зарабатывающему колоссальные прибыли на процентных ставках, финансовых спекуляциях и махинациях, не заботящемся о национальных интересах страны, а всецело была бы ориентирована на развитие народного хозяйства, повышение благосостояния народа. Приоритетом государственной политики должен пользоваться не финансовый капитал, а промышленное производство;

- Земля, находящаяся не в частной, а в государственной собственности, отдаваемая в аренду фермерам, кооперативам и организациям для ее эффективного использования, в первую очередь в сельском хозяйстве. Она не должна служить для спекуляций, приобретения в собственность громадных латифундий отдельными лицами, как это имеет место в современной России;

- Справедливое распределение благ среди населения, не допускающее его большой социальной дифференциации, деление на богатых и бедных, исключающее в законодательном порядке большой разрыв в доходах и в размерах собственности граждан и образование присущей капитализму олигархии, подминающей под себя государственную политику. «Общество для богатых» - это не выбор России. Олигархи должны быть обложены прогрессивным налогом. Но это претит нынешней правящей элите России.

- Государственное финансирование развития науки и образования. Недопустимость их коммерциализации;

- Система здравоохранения, опекаемая и финансируемая государством и доступная всем гражданам;

- Полная национализация средств массовой информации и создание на каналах телевидения общественных советов, призванных оберегать аудиторию от пошлости, аморальности, дебилизации, лжи, примитивного пиара и криминала, от засилья рекламы, служащей источником легкой наживы для анонимных лиц, рекламы, представляющей собой издевательство над телезрителями.

- Поддержание высокой нравственности граждан на бытовом и административно-государственном уровне;

- Создание благоприятной атмосферы для развития культуры и искусства, свободных от рыночных оков и призванных служить духовности, социальному оптимизму и социальной уверенности народа;

- Дух коллективизма и ответственности граждан перед обществом и законом;

Очень трагично, что великие достижения в области экономической и социальной политики Советского Союза, ориентированной на народные интересы и нужды, не нашли места в современной России. Это обстоятельство крайне отрицательно сказалось на благосостоянии

граждан, на их социальном и нравственном самочувствии, привело к кризисному состоянию экономики, науки, технического развития, культуры, морали. Россия утратила красоту жизни. В ряде случаев демонтаж социализма имел катастрофические последствия. Например, в антисоциалистическом угаре были ликвидированы сотни существовавших в Советском Союзе леспромпхозов, отвечавших за состояние лесов на всей советской территории, оснащенных для этого необходимой техникой и располагавших квалифицированными кадрами. Более 70 тыс. лесников лишились своей работы. Зачем было разрушать то, что с таким трудом создавалось и хорошо функционировало? Разве не ясно, что это явилось одной из главных причин лесных пожаров, бушевавших в России и поглотивших сотни населенных пунктов и стоивших больших человеческих жертв, материальных и финансовых издержек. Эти пожары стали своего рода символом неспособности частного капитала справиться с проблемами развития такой громадной страны, какой является Россия с ее необъятными просторами, сложными природными, национальными и социальными особенностями. Они лишний раз продемонстрировали, что капитализм чужд России, губелен для нее.

Теперь рассмотрим, что полезного можно было бы взять для конвергентного общества от капиталистической системы. На протяжении своего многовекового развития в Западной Европе капитализм породил много цивилизационных ценностей, без которых человечество не может обойтись. Но из его недр возникли и такие одиозные явления как тоталитаризм и фашизм. Они были ужасным отклонением от нормального развития. Нас же интересуют в первую очередь :

- Права и свободы личности. Даная социальная категория возникла на заре капитализма как антитеза социальному бесправью при феодализме. Без нее капитализм не мог и не может существовать. Однако для него важна не столько сама по себе свобода личности, сколько свобода распоряжаться капиталом в интересах наживы и господства – экономического и политического. Как показал исторический опыт, права и свободы личности не менее важны и для здорового развития социализма. Запрет свободы слова, выражения мнения, критики, волеизъявления не совместим с прогрессом общества. Этот запрет имел для советского строя губительные последствия. Вместе с тем, не менее ущербна и свобода по принципу «запрещено запрещать» и когда она сплошь и рядом отрывается от принципа ответственности и нравственности личности, как это происходит ныне и в России. Без нравственности не может быть подлинной свободы.

- Многопартийность, парламентаризм, демократия и наличие оппозиции. Правда, и эти ценности подверглись в капиталистическом обществе существенной девальвации, приобрели формальный характер и превратились в декоративное прикрытие господства финансово-промышленной олигархии. В Советском Союзе они тоже служили прикрытием господства одной, коммунистической партии. В конвергентном социалистическом обществе они должны стать инструментами подлинного народовластия. Многопартийность может существовать в социалистическом обществе с таким же успехом, как и в капиталистическом, представляя интересы различных социальных слоев населения.

- Сменяемость власти посредством состязательности партий и получения одной из них мандата на правление от народа в ходе выборов. В этом, собственно, и должна состоять легитимность власти, если выборы не подтасовываются тем или иным способом. В Советском Союзе, начиная с 1917 г. по 1991 г. сменяемость власти осуществлялась государственными переворотами. Тем самым власть теряла свою легитимность и связь с народом. В конвергентном социалистическом обществе, где не будет власти денег, использования «административного ресурса», опасности антигосударственных заговоров, этого не должно быть. Другая проблема связана с длительностью пребывания на посту главы государства. Сталин правил страной с 1924 по 1953 г., Брежнев с 1964 по 1982 г. Это принесло стране больше вреда, чем пользы. Известно, что длительная

СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ

#01. 2015 | ГЕОПОЛИТИКА

власть развращает, ведет к произволу, ее удержание превращается в самоцель, достигаемую любыми средствами. Именно поэтому, учитывая плачевный советский опыт в этой области, необходимо законодательно ограничить срок пребывания конкретного главы государства на высоком посту пятью-шестью годами без возвращения его к власти на протяжении последующих 10-15 лет. Это устраним образование клановости власти, столь характерной и для нынешних российских условий. Наилучшей формой правления для России, учитывая специфику ее политического развития, является президентская республика. Президент должен формировать правительство, руководить им и быть полностью подотчетен парламенту как высшему органу власти. Нынешняя система правящего «дуэта», или «дуумвирата», установленная в России, является политическим нонсенсом, вредным для разумного управления страной.

- Мелкое и среднее предпринимательство в сочетании с государственными предприятиями, кооперативами, предприятиями в собственности непосредственных производителей могут стать важной частью народного хозяйства конвергентного общества. В развитых капиталистических странах среднее предпринимательство является становым хребтом экономики. Его удельный вес в их ВВП составляет от 50 до 65 проц., а в России - около 12 проц. Такая диспропорция объясняется тем, что российские «строители капитализма» в лице Гайдара, Чубайса и иже с ними стремились как можно быстрее похоронить в стране социализм путем передачи ключевых отраслей и стратегических предприятий советского народного хозяйства в собственность кучки своих приближенных и создания олигархической элиты как надежной опоры новой буржуазной власти. Российская экономика от этого серьезнейшим образом пострадала;

- Удел частной собственности - стать на сравнительно длительный исторический период неотъемлемой частью конвергентного социалистического общества. Однако она не должна превышать размеров средних предприятий. В отдаленной перспективе, когда человечество достигнет небывалых высот промышленного и сельскохозяйственного развития, когда оно поставит себе на службу громадный, неиссякаемый источник энергии ядерного водородного синтеза и другие источники энергии, частная собственность перестанет быть привлекательной и неизбежно будет вытеснена общенародной. В переходный период основной формой собственности могут стать предприятия в собственности непосредственных производителей. В Соединенных Штатах эта форма коллективной собственности (employeeenterprises) доказала свои преимущества и эффективность в соревновании с частной собственностью.

Все эти вопросы нуждаются в дальнейшей научной разработке в интересах будущего России. По всем данным, нынешний политический и социально-экономический строй нашей страны, возникший после развала социализма, не вызывает удовлетворения у подавляющего большинства народа. Почему же тогда «строителям капитализма» удается на выборах постоянно одерживать верх над левыми силами? Например, за КПРФ голосуют примерно 20 проц. избирателей. Было бы неправильно объяснять это одним «административным ресурсом» или пиаром, которые пускаются в ход нынешней правящей элитой, или ошибками коммунистов при проведении избирательных кампаний, как утверждают лидеры КПРФ.

Президент Независимой ассоциации социальных исследований Вячеслав Скерис в своей статье «Социализм – прошлое или будущее?» дал, на мой взгляд, правильный ответ на этот вопрос: «Аналитики упустили самую главную причину отсутствия массовой поддержки коммунистов. А именно то, что подавляющее большинство наших граждан полагает, что социализм - это советское прошлое и что цель коммунистов – в его возвращении. То, что подобные представления играют на руку антикоммунистам и потому охотно ими педалируются, не удивительно. Удивительно другое – поддержка этих представлений самими коммунистами, лидеры которых на выборах призывают не к построению нового, а к

возрождению старого социализма и советской власти» («Экономическая и философская газета». № 21, июнь 2010 г., с. 5)

Россию неизбежно ждут новые реформы с учетом не только безусловно позитивного исторического опыта, но и крупных политических и экономических ошибок, допущенных в прошлом. Чтобы вывести Россию из тупика, в котором она находится, народу нужна не капиталистическая перспектива, не способная его увлечь и чуждая его менталитету и традициям, а национальная идея и идеология, ориентированные на построение общества на социальных принципах нового демократического социализма. ▲

«**Современное внутреннее и международное положение России все чаще заставляет задумываться: а в правильном ли направлении движется наша страна? Эти сомнения приобретают еще большую значимость пред лицом глубокого финансово-экономического кризиса в США и в других странах Запада, потрясшего мировую экономику и опрокинувшего многие социальные, экономические и моральные ценности капиталистического общества...**»